

В. ЗАБИРКО
**НАВЯЗАННЫЙ
РАЙ**

ВЕЧЕ

Виталий Сергеевич Забирко
Навязанный рай
Серия «Новая библиотека
приключений и научной фантастики»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43503562
Навязанный рай. Роман, рассказы: Вече; Москва; 2020
ISBN 978-5-4484-8180-2

Аннотация

Главный герой романа «Навязанный рай» Артем Новиков – фантастический везунчик. Он легко отгадывает карты, на раз открывает цифровые замки с самыми сложными комбинациями, всегда выигрывает в рулетку... Но в одночасье жизнь его меняется, ведь что-то совсем непонятное происходит с городом, в котором он живёт, – Холмовск неожиданно превращается в рай, о котором многие безнадежно мечтают всю жизнь. Вот только изменения эти вызывают у Новикова сильнейшие подозрения, и он начинает искать обратную сторону медали... В книге представлены произведения одного из наиболее ярких представителей четвёртого поколения отечественной фантастической литературы, лауреата литературной премии имени И. А. Ефремова.

Содержание

Навязанный рай	4
Глава первая	4
Глава вторая	22
Глава третья	38
Глава четвёртая	49
Глава пятая	58
Глава шестая	75
Глава седьмая	89
Глава восьмая	105
Глава девятая	117
Глава десятая	130
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Виталий
Сергеевич Забирко
Навязанный рай
Роман, рассказы

Навязанный рай

Глава первая

– Добрый день. Вы – Новиков?

В дверях стоял сухопарый мужчина лет сорока, лысеющий, с невыразительным гладковыбритым лицом. В тёмном костюме, белой рубашке при галстуке, с «дипломатом» в руках он был похож на христианских миссионеров из Канады, наводнивших наш городок, но визитка на лацкане отсутствовала. К тому же говорил без акцента.

– Да.

– Артём Владимирович?

– Он самый.

– Тогда разрешите...

Я не успел загородить собой дверной проём, как он боч-

ком проскользнул в прихожую и прошёл в комнату.

Однако... Иронично покачав головой, я запер входную дверь и направился вслед за непрошеным гостем. Если коммивояжёр – выгоню взащей к чёртовой матери. Вконец обнаглели.

Гость оказался ещё наглее, чем представлялось. Он уже сидел на диване, забросив ногу за ногу, а «дипломат» лежал на журнальном столике.

– Присаживайтесь, Артём Владимирович, – радушным жестом указал он на кресло напротив и оценивающим взглядом обвёл комнату. – Неплохо. Простенько, но со вкусом.

Я прислонился к косяку двери, скрестил на груди руки и рассмеялся.

– Коммивояжёр? – вкрадчиво спросил я, прикидывая, как сподручнее схватить его за шиворот и выставить из квартиры. Правой рукой неудобно – мешал журнальный столик, а вот левой – в самый раз. В отличие от подавляющего большинства людей я одинаково хорошо владел и левой, и правой. Уникум своего рода, хотя подобный универсализм никакого преимущества не давал. Разве что в данном случае.

– Ну что вы, Артём Владимирович! – пожурил нахальный гость. – Разве коммивояжёры расхаживают в костюмах от «Carden»?

Он расстегнул пиджак и показал фирменный лейбл на внутреннем кармане.

– Тогда кто вы, и чем обязан? – спросил я, гася улыбку.

По моему мнению, костюмчик ничем не отличался от таких же на барахолке, сработанных на Малой Арнаутовской в Одессе, разве что идеальной отутюженностью. Но тащить гостя за шиворот в костюме с престижным лейблом будет гораздо приятнее.

– Заместитель директора по связям с общественностью холмовского отделения банка «Абсолют» Викентий Павлович Ремишевский, – представился он, достал из нагрудного карманчика визитную карточку и протянул мне.

Заметив, что я не намерен брать карточку, он положил её на журнальный столик.

– Так это вы субсидируете производство знаменитой водки? – спросил я, заломив бровь.

– Ха-ха! – рекламно, на американский манер, ослабилась Ремишевский белоснежными искусственными зубами. Так и подмывало спросить, какой зубной пастой он пользуется, и что за лейбл выгравирован на тыльной стороне вставных челюстей. – Значит, вы не догадываетесь о цели моего визита?

– Деньги в банке не храню. Предпочитаю закладывать на спирткнижку.

Чтобы было понятнее, я наклонил голову набок и щёлкнул по кадыку.

Врал, конечно. Тысяча долларов лежали на моём счету в банке «Визон», и на них имелась электронная банковская карточка. Только ради этой карточки я, собственно, и сделал вклад. Но зачем это нужно, никому и под пытками не при-

знаюсь.

– Шутник вы, однако, – совсем расплылся в улыбке Ремишевский. – После нашей встречи, возможно, и захотите...

– Чего? «Абсолюта»? Водки всегда хочу... – мрачно заверил я, хотя особой тяги к спиртному не испытывал. Однако играть роль, так играть.

– Хранить деньги в банке, – уточнил Ремишевский. В этот раз он шутку не принял. – Это ведь вы отвечали на вопросы телевизионной викторины «Кому повезёт?»

– И мне повезло?

– Да, именно вам! Две тысячи восемьсот писем с правильными ответами викторины были заложены в лототрон, и первым из него выпало ваше письмо. Так что вы – обладатель главного приза в шестьсот тысяч рублей.

– Нормально, – констатировал я и попытался изобразить на лице нечто вроде восторга, хотя никакого удовольствия от визита представителя банка не испытывал. Не такая уж и большая сумма – приличную иномарку за неё не купишь, и я надеялся, что деньги переведут по почте без всякого ажиотажа. Не повезло.

Сев в кресло, я посмотрел Ремишевскому в глаза и насто-роженно спросил:

– А причём здесь ваш банк?

– Бог мой, Артём Владимирович! – укоризненно покачал головой гость. – Можно подумать, что, отвечая на викторину, вы телевизор не смотрели. Наш банк – генеральный спон-

сор программы.

– Потому и предлагаете мне открыть у вас счёт, а сумму будете выплачивать в течение пяти лет? – продолжил я.

– Помилуйте, Артём Владимирович, плохо вы о нас думаете! Деньги мы готовы выплатить немедленно, хоть банковской карточкой, хоть наличными. – Он похлопал ладонью по «дипломату». – Но мы предлагаем вам заработать ещё сто тысяч. Сняться в рекламном клипе нашего банка в качестве везунчика года, выигравшего главный приз. Поездка в Москву и проживание в гостинице на время съёмок за наш счёт, естественно.

А вот это мне уже совсем ни к чему. И без клипа был Везунчиком. Причём именно так – с большой буквы, но рекламировать своё везение категорически не хотел.

– Благодарю покорно, но не желаю афишировать своё имя. Как только разнесётся весть о моём выигрыше, тут же появятся доброхоты с включёнными утюгами и паяльниками, считающие, что я просто-таки обязан с ними поделиться.

– Да что вы такое говорите, право слово? – возмутился гость. – Дикие времена разгула криминалитета давно канули в Лету.

– Не скажите, – возразил я. – Это для тех, у кого личные телохранители и дача с забором под сигнализацией. А вон, намедни, академика в Питере кирпичом по темечку грохнули и тридцать рублей из кошелька забрали. Слыхали? Если с цветом российской интеллигенции из-за тридцати деревян-

ных так, то как тогда со мной, рядовым россиянином, из-за шестисот тысяч поступят, а?

– Хорошо, не будем дискутировать, – ушёл от разговора Ремишевский. – Возьмите договор, почитайте. Никто вас неволить не собирается. Захотите, подпишите, не захотите – ваше дело.

Он достал из кармана несколько листов бумаги, сложенных вчетверо, протянул мне.

Я развернул. Листов было три, а текст набран мелким шрифтом, рябящим обилием пунктов.

– Почитайте, почитайте, а я пока покурю. У вас в квартире курят, ауфлемэ?

Непонятное слово странным образом подействовало на меня. Сердце тоскливо сжалось, во мне что-то перевернулось, будто я услышал что-то родное, знакомое... Однако вспомнить, что это означает, не смог.

Я недоумённо посмотрел на гостя.

– Что вы сказали?

Ремишевский сидел, подавшись ко мне, и пристально смотрел в лицо. Встретив мой взгляд, он поспешно отвёл глаза и расслабленно откинулся на диване.

– Я спросил, у вас можно курить? – произнёс он равнодушным тоном, но мне удалось уловить нотки разочарования.

– Это я понял. В комнате не курят. А не понял я, что такое «ауфлемэ»?

– На йорокском языке это означает «хозяин дома», – снисходительно объяснил он с таким апломбом, будто я этот язык должен знать с пелёнок, а русский на самом деле был для меня иностранным. – Пока будете знакомиться с договором, я, с вашего разрешения, покурю на балконе. Можно?

Мельком проглядывая текст, я кивнул.

– Кстати, в «дипломате» находятся деньги, можете пересчитать, – сказал он, скрывшись за шторой и открывая дверь на балкон.

Договор, естественно, меня заведомо «не устроил». Я знал тысячу и один более простой способ получения денег, поэтому горбатиться ни на кого не собирался. Отложив договор в сторону, развернул «дипломат» замком к себе, машинально набрал код «8641», щёлкнул замком... И только тогда сообразил, какую глупость совершил.

– Какой код на замке? – громко спросил, повернувшись в сторону балкона.

Ремишевский не ответил. Курил, вероятно, облокотившись о перила, и меня не слышал. Тогда я встал, подошёл к балконной двери, отёрнул штору и повторил вопрос:

– А какой код...

Но закончить не смог. Слова застряли в горле.

На балконе никого не было...

Первая мысль была сумасбродной – сиганул с балкона, что ли, решив покончить с жизнью почему-то именно из моей квартиры?

Перевесившись через перила, я посмотрел вниз. С высоты шестого этажа газон у дома выглядел небольшим зелёным прямоугольником, и распротёртое тело на нём отсутствовало. Да и в честь чего Ремишевскому сводить счёты с жизнью, тем более, с балкона моей квартиры? Не производил он впечатление ни отчаявшегося, ни затравленного человека. Самоубийцы костюмами от «Carden» не хвастаются...

Балкон подо мной был пуст, да и не успел бы Ремишевский на него спуститься – слишком быстро я вышел следом.

Я глянул вверх. До ската крыши было метров пять, и взобраться туда по гладкой стене, с впрессованной в неё ещё на домостроительном комбинате глазурованной керамической плиткой, никто бы не смог. Даже ниндзя. Уж я-то знаю... Разве что заранее спустить с крыши трос. Но если так – то зачем?

И тут меня осенило. Когда Ремишевский выходил на балкон, я сидел к нему спиной. Вполне возможно, он сделал вид, что выходит, а сам принялся шарить по квартире. Что нужно человеку, в «дипломате» которого находятся шестьсот тысяч рублей, в «простенькой, но со вкусом» однокомнатной квартире безработного, я представить не мог и на всякий случай обследовал кухню, ванную и туалет. Ремишевского нигде не было. Как корова языком слизнула. Летающая такая корова... Пролетала мимо дома направлением из Бердичева в Жмеринку, видит, стоит на балконе хмырь в «Carden», курит «Cesterfield», ну она его и...

Через входную дверь Ремишевский тоже выйти не мог. Замок у меня не то, чтобы сложный, наоборот, старый, простенький, но разболтанный, а потому привередливый. И секрет обхождения с ним знаю только я.

На всякий случай я ещё раз выглянул на балкон. С тем же результатом. Быть может, он умеет левитировать и парит сейчас, как горный орёл с сигаретой в клюве, где-нибудь над крышей... В конце концов не мне же одному обладать уникальными способностями. Одно непонятно, мне-то он зачем левитацию демонстрирует? Мои способности не выходят за рамки реалистических объяснений, а левитация – это уже из области метафизики.

Вернувшись в комнату, я сел у журнального столика и открыл «дипломат». Посмотрим, что в «багаже» у левитирующего человека...

Одиннадцать пачек (одна неполная) пятисотрублёвок в банковских упаковках, расписка в получении мною главного приза викторины «Кому повезёт?» за вычетом налога (понятно, почему пачек одиннадцать, а не двенадцать, и одна неполная), а также непонятный прибор, похожий на радиотелефон, поскольку для сотового габариты великоваты. Вверху на лицевой стороне располагалось большое окошко, а ниже – масса кнопочек, в том числе и с русским алфавитом. Мини-компьютер, что ли?

Я взял прибор в руки, повертел. Сбоку красовалась надпись: «Идентификатор имени». Чёрт, а это ещё что такое?

Внимательно рассмотрев лицевую панель, я нашёл кнопку «вкл./выкл.» и нажал. Окошко осветилось зеленоватым светом, и на нём появилась чёрная надпись:

«Наберите на клавиатуре полные Ф. И. О. идентифицируемого».

Я подумал и, не будь дураком, набрал Ф. И. О. своего соседа по лестничной площадке: «Моргачёв Николай Александрович», – затем нажал на «ввод».

«Приложите большой палец правой руки к левому краю окошка», – появилась надпись.

Немного подумав, я приложил, хотя для чистоты эксперимента следовало сходить за пальцем соседа. Будем считать, что провожу установочный эксперимент.

Экран замигал, и спустя пару секунд на нём высветилось: «Сведения о личности в базе данных отсутствуют».

Гм, любопытно... А на меня в базе данных есть сведения?

Решившись, я набрал: «Новиков Артём Владимирович», – нажал на «ввод» и приложил палец.

Экран снова замигал, и вдруг на нём высветилась тревожно пульсирующая красная надпись:

«Error!»

Это было настолько неожиданно, что я невольно отпрянул. Следовало понимать, что данные на меня, в отличие от данных на соседа, имелись, но данные сбойные. Интересный коленкор получается...

– Так как, будем заключать договор? – услышал я из-за

спины и стремительно повернулся.

Появление заместителя директора филиала банка «Абсолют» из-за шторы произвело на меня гораздо большее впечатление, чем его исчезновение. Но и справился я с изумлением гораздо быстрее. Почти мгновенно. А чему тут, собственно, изумляться? Ну, полетал человек на свежем воздухе, полевитировал в своё удовольствие... И вернулся. Никому ведь не возбраняется...

Больше всего мне сейчас хотелось не просто взять гостя за шиворот и вышвырнуть вон, а дать ему в морду. Капитан-наставник литературного спецподразделения «Аз» (где я полгода стажировался, но затем был отчислен как не прошедший тест на психологическую совместимость) с завистью говорил, что моя мышечная реакция сравнима со скоростью двадцать пятого кадра¹, однако затевать драку с Ремишевским я не стал. Благоразумно сдержался. Человек, сумевший лихо проскользнуть мимо меня в квартиру, видимо, тоже обладал завидной реакцией. А если учесть и его «левитационные» способности...

– Как полетали? – жёлчно спросил я, игнорируя вопрос. Всё-таки остатки смятения во мне ещё остались.

– Не понял? – искренне удивился Ремишевский, но к столу на всякий случай подходить не стал. Правильно сделал.

¹ В кинематографе оптимальная скорость показа кадров составляет двадцать четыре кадра в секунду. Двадцать пятый кадр находится за пределами восприятия человеческого зрения.

Не ровён час, я бы не сдержался.

– «Полетали» на наркоманском языке означает «покурили», – мстительно уел его я, наконец полностью взяв себя в руки.

– Да? – удивился Ремишевский. – Я думал, табак в Европу завезли из Америки, а, оказывается, маркоманны² курили ещё две тысячи лет назад...

Я не стал комментировать игру слов и отвернулся. Что-то слишком много знал Ремишевский для заместителя директора банка. Такие люди обычно ничем, кроме финансов, не интересуются. Тем более, древней историей.

– Как понимаю, договор мы заключать не будем, – сказал он, наконец-то подходя к столику.

– Правильно поняли.

– Тогда извольте расписаться в получении выигрыша, – он положил передо мной расписку, затем принялся выкладывать на столик пачки денег. – О, я вижу, вы моим прибором баловались. – Ремишевский глянул в окошко, и, как мне показалось, в глазах промелькнула тень разочарования. – Опытный образец, барахлит... – то ли пожаловался, то ли извинился он, выключил прибор и положил его в «дипломат».

И тут я впервые подумал, что это за «идентификатор имени», в который нужно вводить фамилию, имя и отчество идентифицируемого? Это ж какое ещё имя он определяет? Бред...

² Маркоманны – древнее германское племя.

Возвращая расписку с моей подписью, я попытался заглянуть в глаза Ремишевскому, но он на меня не смотрел. Бросил расписку в «дипломат», закрыл его и выпрямился.

– Пересчитывать будете? – спросил он, кивая на деньги и по-прежнему не глядя на меня.

– Я вам верю.

– Тогда, с вашего позволения, откланяюсь.

– Всего доброго, – пожелал я и не думая встать с кресла, чтобы проводить. Хотелось посмотреть, будет ли он «левити́ровать» с балкона или уйдёт как нормальные люди через дверь.

– И вам того же, – сказал Ремишевский и направился к двери.

Щёлкнул замок, дверь чуть приоткрылась и тут же вновь захлопнулась.

– Простите, я что-то не могу справиться с замком.

«Ага! – промелькнула мысль. – Вот ты и попался! Дверь-то приоткрылась, так что с моим привередливым замком ты справился точно так, как я с замком твоего „дипломата“!»!

Я встал, вышел в прихожую, открыл дверь.

– Как видите, всё очень просто, – сказал я, поймав-таки взгляд Ремишевского и глядя ему в глаза. Растерянности в его глазах не было. Было любопытство. – Прощайте.

Он вышел на лестничную площадку, но лифт вызывать не стал.

– До свиданья, – многообещающе поправил меня он и стал

быстро спускаться по лестнице.

Я закрыл дверь, вернулся в комнату. Видеться с Ремишевским более не желал, но его обещание настораживало. Он определённо считал, что наша встреча не последняя. Отнюдь не простого визита я был удостоен. Для доставки выигрыша победителю достаточно направить курьера или переслать деньги по почте, а тут – заместитель директора филиала банка является собственной персоной... Вдруг я вспомнил одну деталь, которой ранее не придавал значения, и выскочил на балкон. Так и есть – память у меня фотографическая, – никакой машины у подъезда не было. Это что ж, заместитель директора престижного банка пешком ходит? Оригинально, если не сказать более.

Я постоял на балконе минут пять, наблюдая за выходом из подъезда, но Ремишевский на ступеньках так и не появился. Как я и предполагал. Что стоит «левитирующему» человеку, или «человеку-невидимке» (ещё один вариант, ранее не пришедший в голову, почему не увидел на балконе гостя) пройти сквозь стены или просочиться через канализацию? Плёвое дело.

Как я ни иронизировал над случившимся, стараясь задавить возникшее в душе щемящее чувство тревоги, оно росло. Кто-то явно заинтересовался моими неординарными способностями, и визитом Ремишевского мне намекали, что я не один такой на Земле – возможно, существует хорошо законспирированное анонимное общество таких же уника-

мов, и они ищут себе подобных.

От такого умозаключения нехорошо засосало под ложечкой, и появилось двойственное ощущение, будто всю жизнь ждал подобного визита; ждал, но надеялся, что эта встреча никогда не произойдёт.

Чтобы упорядочить мысли и провести аналитический разбор ситуации, я сел за столик, сложил аккуратной стопкой деньги, поискал визитную карточку Ремишевского. Карточки нигде не было – ни на столике, ни под купюрами, ни на полу. Испарилась, хотя мог дать голову на отсечение, что Ремишевский её не забирал. Память, как уже говорил, у меня фотографическая, поэтому я «прокрутил» в голове все события и лишний раз убедился, что гость её не брал. Но, странное дело, после того как Ремишевский положил визитку на столик, я её больше не видел. И интуиция, часто помогавшая разыскать потерянную вещь, в этот раз молчала. Будто такой карточки не существовало в природе. В наведенную галлюцинацию я не верил – психологические тесты медицинского обследования в спецподразделении «Аз» показывали, что степень моей внушаемости равна нулю, поэтому, будь даже Ремишевский великим гипнотизёром, ему никогда не удалось бы убедить моё сознание в реальности несуществующей визитки или в том, что он, находясь на балконе, для меня невидим. Карточка действительно испарилась, а Ремишевский на балконе отсутствовал. Каким образом это происходило, я вряд ли когда-нибудь узнаю, а вот зачем всё это

нужно, кажется, начинал понимать. Кто-то хотел показать, что он догадывается о моих способностях, и визит Ремишевского должен был вывести меня из состояния душевного спокойствия, заставить нервничать и, само собой, начать активно проявлять свои неординарные способности. Вряд ли мной снова заинтересовалась государственная служба – в ФСБ знали только о моих необычных физиомоторных качествах, и, если бы там надумали возрождать группу быстрого реагирования «Аз», моя повторная вербовка прошла бы совсем по-другому. Так что этот вариант отпадал...

Достав из кармана сотовый телефон, я набрал справочную, узнал номер коммутатора банка «Абсолют» и позвонил.

– Холмовский филиал банка «Абсолют», – сообщил приятный женский голос. Судя по голосу, отвечала молоденькая, симпатичная девушка, что лишний раз подчёркивало солидность банка, где блюдут своё реноме.

– Добрый день.

– Здравствуйте, чем могу помочь?

– Соедините, пожалуйста, с заместителем директора по связям с общественностью Ремишевским Викентием Павловичем.

– Кто его спрашивает?

– Директор фирмы «Сигма» Исидор Бубуладзе, – брякнул я первое пришедшее в голову.

– Минутку...

Минутка растянулась на все три, затем тот же грудной

воркующий голос сообщил:

– К сожалению, в данный момент Викентий Павлович отсутствует. Будет через час. Вы можете оставить сообщение...

– Нет. Позвоню позже, – буркнул я и отключился.

Разговор ничего не прояснил. Были большие сомнения, что меня посетил настоящий заместитель директора холмовского отделения банка «Абсолют», и почему-то думалось, что, соедини девушка с Ремишевским, я услышу незнакомый голос.

А вообще, глупость совершил. Если за мной действительно началась охота, то сотовый телефон могли прослушивать, или же в банке вести запись телефонных разговоров. Идентифицировать голос – пара пустяков, кем ни называйся... По всему понятно, что игра со мной началась, ждут ответного хода, который я в растерянности совершу. Поэтому лучше всего сохранять спокойствие и вести себя так, будто ничего не произошло.

Откинувшись на спинку кресла, я закрыл глаза и минут пять обстоятельно осмысливал ситуацию. Да, пожалуй, ничего не предпринимать, это лучший выход из положения. Посмотрим, что против меня предпримут.

И всё же кое-что я сделал. Сел за компьютер, вошёл в Интернет и попытался выяснить, что это за язык такой – йорокский, и правильно ли мой гость перевёл с него слово «ауф-лемэ», которое столь странным образом подействовало на меня. Языка я такого не обнаружил, самым близким по зву-

чанию к его названию было слово йоркширы. Английская порода свиней, отличающихся особой плодовитостью. В общем, свинячий язык. А вот слову «ауфлемэ» и близко ничего по созвучию не было. Конечно, написание слова и его произношение, например, в английском, понятия разные, и я попытался, по аналогии с Ремишевским, переиначившим наркоманов в маркоманнов, составить нечто подобное. Получилась полная чушь. Аутофлегма – посторонняя плесень. Хотя, возможно, на свинячем языке так и называют хозяина...

Чертыхнувшись из-за бесполезно потраченного времени, я вышел из Интернета и вычистил из памяти компьютера все файлы, по которым можно проследить, чем занимался. Если кто-то пожалует в квартиру в моё отсутствие, незачем ему знать о моих лингвистических изысканиях...

Выключив компьютер, я приготовил кофе и вышел с чашечкой на балкон. Панорама города не подняла настроение, наоборот, навевала грусть. Точно так я стоял на балконе пять лет назад, когда приехал в краткосрочный отпуск из спецшколы ФСБ на похороны родителей, погибших в автомобильной катастрофе, и испытывал почти аналогичное чувство. Почему-то появилось стойкое убеждение, что Холмовск придётся скоро покинуть. Быть может, навсегда. Своей интуиции я верил.

Глава вторая

Холмовск был молодым городом, основанным в пятидесятые годы двадцатого века на месте разведанных залежей бокситов. Неизвестно, кто руководил строительством нового города, но поступил он разумно. Рядом с рудником поставили ТЭЦ, затем возвели алюминиевый завод, и замкнутая система производства позволила горожанам гораздо легче перенести социальные потрясения, обрушившиеся на Россию, поскольку спрос на алюминий как внутри страны, так и за рубежом никогда не падал. Несколько позже был построен номерной авиационный завод, в просторечии шуточно именуемый «КБ Мокрого», так как штурмовиков серии «Су» (КБ Сухого) здесь никогда не производили. В период жесточайшей стагнации экономики «КБ Мокрого» переквалифицировалось на выпуск алюминиевых кастрюль, но в настоящее время вновь появились военные заказы, и жизнь потихоньку наладилась. Конечно, не как в столице, но вымирать город не собирался, в отличие от многих других городов, построенных во времена социализма в угаре комсомольских ударных строек.

Мне нравился Холмовск, тихий, спокойный, хотя родным город не был – сразу после окончания десятилетки я вместе с родителями, спасавшимися от нищеты и безработицы, перебрался сюда из беспросветно бесперспективного Лебе-

динска, где, кроме химерически громадного котлована на месте некогда знаменитой Курской магнитной аномалии да заброшенного из-за отсутствия сырья горно-обогастительно-го комбината, ничего примечательного не было. Из Холмовска я ушёл в армию, здесь похоронил родителей и жил один уже почти пять лет. Скорее всего, прожил бы и оставшуюся жизнь, да, видимо, не судьба...

Охваченный ностальгической грустью я медленно проехал по центральной улице, бросая тоскливые взгляды на дома, витрины магазинов, прохожих, будто прощался с ними навсегда. Рановато, конечно, – пару недель, а то и месяцев здесь ещё проживу, пока более-менее не обрисуеться ситуация, – но, боюсь, когда придёт пора уносить ноги, будет не до прощания и ностальгии.

Свернув к алюминиевому заводу, я доехал до моста через речку Лузьму и, оставив «жигули» на платной стоянке, направился в ресторан «Chicago», некогда называвшийся «Вильнюсом», но теперь (то ли в пику отделившейся от России Литве, то ли в честь политического курса правительства) получивший название всемирно известной гангстерской столицы. Пройдя через полупустой зал, я вышел на открытую террасу, где почти никого не было, – всё-таки весна, прохладно, и солнце, едва миновав зенит, только-только начало прогревать край террасы. Но не хотелось сидеть в душном прокуренном зале и, против воли, слушать чужие разговоры за соседними столиками.

Усевшись за единственный освещаемый солнцем столик у самого парапета, я окинул взглядом террасу. В дальнем конце расположились двое кавказцев в одинаковых чёрных кожаных куртках. Судя по тому, как быстро они ели и отсутствию спиртного на их столике, к криминалитету, вопреки устоявшемуся мнению о кавказцах, эти не имели никакого отношения. Мелкие торговцы, доставившие в город ранние овощи, и теперь по-быстрому перекусывавшие перед обратной дальней дорогой. А справа от меня, через столик, сидела Верунчик – симпатичная молоденькая проститутка, представлявшаяся клиентам как Инга. На столике перед ней стоял бокал с пепси-колой, она жадно курила, зябко кутаясь в курточку, и то и дело бросала на кавказцев призывные взгляды. «Призывность» получалась плохо – в глазах Верунчика-Инги было больше тоски и понимания, что все старания напрасны. Это не клиенты – это полный облом.

Я невольно пожалел Верунчика. Её сутенёр Афанасий заставлял девушку торчать в ресторане с утра до ночи, хотя в «дневную смену» подцепить клиента шансов практически нет. Спрос на «ночных бабочек» начинается поздним вечером, да и то ближе к закрытию ресторана.

– Привет! – махнул я рукой.

Она кисло улыбнулась, кивнула. Знала, что я не из разряда клиентов.

Внезапно я понял, что одно дело – сидеть в одиночестве в зале ресторана и слушать чужие разговоры, но совсем дру-

гое – просто поболтать со знакомым человеком. Разрядиться в пустопорожном разговоре, чтобы снять душевный дискомфорт, вызванный визитом Ремишевского, сейчас просто необходимо.

– Есть хочешь? – спросил я.

Она одарила меня всё ещё недовольным взглядом, но тут же расцвела в благодарной улыбке.

– Ага!

Верунчик подхватила из-за столика и быстренько перебралась ко мне.

– Ух ты! – обрадовано сказала она, усаживаясь в пластиковое кресло. – У тебя здесь тепло, солнышко греет, а я, дура, в тени сидела...

Появился официант. Валера. Что хорошего переняли у Запада в «Chicago», так то, что за завсегдатаями закрепляли конкретных официантов. Где бы я ни сел, меня обслуживал только Валера.

– Добрый день, – поздоровался он.

– Здравствуй, Валера. Значит, закусочку, как всегда, но на двоих.

Валера кивнул.

– Салатики из свежих, надеюсь, грунтовых, овощей? – Я выразительно покосился на двух кавказцев.

– Да.

– Хорошо... Икорку красную, не на бутербродах, а просто так, в блюдечке.

– Масло отдельно? – уточнил Валера.

– Да.

– А как же селёдка в красном вине? – с некоторым сомнением спросил Валера. Мои вкусы он знал, и это блюдо практически всегда стояло на столе.

– Какие разговоры? Неси.

Валера неодобрительно покрутил головой, но кивнул.

Согласен с ним: селёдка и красная икра – блюда несоместимые, но малосольная селёдка, вымоченная в красном вине, имеет настолько специфический вкус, что это блюдо трудно отнести к рыбным.

– Может, тебе чёрную икру? – обратился я к Верунчику.

– Коньячку бы... – просительно протянула она, заглядывая мне в глаза.

– Обойдётся. Я – за рулём, а ты – на работе.

Валера сдержанно улыбнулся, но тут же спрятал улыбку.

– Грейпфрутовый сок, натуральный, а не напиток из него, – сказал я, покосился на Верунчика и спросил Валеру: – Что из горячего порекомендуешь?

– Шурпу из свежей баранины в горшочке, – теперь уже Валера кивнул в сторону кавказцев.

– Уговорил. Верунчику горячее – в первую очередь, а мне попозже.

Официант развернулся, чтобы уйти, но я его остановил.

– Послушай, Валера, я часто слышу от тебя: свежее это, свежее то... Скажи честно: у вас что, никогда не готовят блю-

да из залежалых продуктов?

Валера расслабился, улыбнулся и, наклонившись ко мне, доверительно сказал:

– Случается, Артём. – В его глазах играли смешинки. – Но лично тебе я никогда такие блюда не ре-ко-мен-ду-ю.

– Спасибо.

– Не за что.

Валера развернулся и ушёл.

Нет, всё-таки приятно быть завсегдаем!

– Коньячку замёрзшей женщине пожалел... – обиженно пробурчала Верунчик.

Я глянул на неё – скукожившуюся, до сих пор не отогревшуюся на солнце – и рассмеялся.

– Именно пожалел, но не коньяку, а тебя. Тебя от трёх капель развозит – какой клиент клюнет на пьяную женщину? Мне, конечно, всё равно – хоть упейся, но Афанасий за это тебе таких фингалов наставит, что никакой косметикой не замажешь.

Словно услышав своё имя, из зала на веранду выглянул сутенёр Верунчика, чтобы проверить, с кем она сидит. Узнав меня, он помрачнел и быстро ретировался. Правильно сделал, был прецедент, когда я в первый раз угощал Верунчика обедом. Обедали мы где-то около часа, затем я попрощался и собрался уходить. Тогда Афанасий и пристал ко мне, чтобы оплатил «простой», так сказать, в «работе». Ну, я и... В общем, с тех пор Афанасий обходит меня десятой дорогой.

Появился Валера с подносом и принялся выставлять на стол тарелки и судочки с закусками. Последним он поставил перед Верунчиком исходящий паром объёмистый горшочек с шурпой.

– Приятного аппетита.

– Спасибо.

Валера с достоинством кивнул и удалился – знал, не люблю, когда за столом прислуживают. В России всё-таки воспитывался, где тезис «все люди – братья» хоть и потускнел, но всё ещё в цене, а не в среде западных аристократов, для которых лакейство само собой разумеющееся явление. Да и чего, в общем-то, прислуживать? Обычный обед, за исключением красной икры. Шиковать я себе не позволял, быть может, поэтому и заслужил у Валеры особое уважение.

Первым делом Верунчик охватила озябшими ладонями горшочек, заглянула внутрь.

– Ого! Здесь троим не съесть...

Я только улыбнулся, накладывая икру на гренки. Сливочное масло я не люблю и согласился на него только потому, что обедал не один.

Согрев руки, Верунчик взяла ложку, зачерпнула густое варево, попробовала.

– А неплохо! Хоть наемся... А то клиент сейчас такой пошёл... Пирожным угостит – и в койку... Это чьё блюдо? Кавказское?

– Нет. То ли казахское, то ли киргизское... А может, турк-

менское или узбекское... Точно не знаю. Короче, среднеазиатское.

Съев пару ложек, Верунчик согрелась, и тут-то язык у неё развязался. Как всегда, на фривольные темы.

– Слушай, Артём, – начала она, кокетливо стреляя глазами, – а ты, случайно, не «голубой»?

– С чего ты взяла? Что не первый раз угощаю, а в постель не тащу?

– Ага.

– А в простое бескорыстие не веришь?

– Да ну тебя! Придумал тоже... Слово такое в школе слышала, да что-то в жизни бескорыстных людей не видела.

«Бедная девочка, с твоей жизнью разве увидишь?» – подумал я с горечью. Хотя, по большому счёту, в чём-то она права. Я в своей жизни тоже бескорыстных людей не встречал. Родители не в счёт, их отношение к детям совсем по-другому называется.

– Считай, что сейчас видишь.

Верунчик хихикнула.

– Ты мне только лапшу на уши не вешай, ладно? – сказала она.

– Почему лапшу? – пожал я плечами.

Верунчик захихикала громче и погрозила пальцем.

– Хорошо. Допустим, я «голубой». Тогда объясни, с какой такой стати мне тебя обедом угощать?

– С какой? – всё ещё хихикая, переспросила Верунчик и

изумлённо запнулась. – А действительно, с какой? – Но тут же, применив женскую логику, быстро нашлась. – Может, клиентов моих переманить хочешь!

От её неожиданного умозаключения, я поперхнулся соком, закашлялся, и она постучала меня по спине.

– Что, в точку попала?!

– Ух... – сипло выдавил я. – Если насчёт ошеломления, то в самую что ни на есть... Огорошила... Ничего тебе больше объяснять не собираюсь, а то ещё раз подавлюсь. Нормальный я мужик, веришь ты мне или не веришь. И на этом мы поставим точку.

Минуту Верунчику удалось помолчать, пока она намазывала гренки маслом, а затем накладывала толстый слой икры. Но стоило ей надкусить бутерброд, как её снова прорвало. И всё на ту же тему.

– А если ты нормальный мужик, то давай проверим. Со мной.

– Ишь, размечталась!

– Слабо? – попыталась подзадорить она.

– Можешь и так считать, – равнодушно пожал я плечами. – Ничего у нас с тобой не получится.

– Так ты импотент? – У Верунчика опять сработала женская логика. – Такой молодой, а уже... Жаль... В ракетных войсках служил? Или с рождения?

– Ни то, ни другое. Я принципиально не приемлю секс за деньги.

– За деньги! – оскорблённо фыркнула Верунчик. – Принципиально, видите ли, он не приемлет! Да твой обед не менее сотни баксов стоит, а я всего полтинник в час беру... – Она окинула меня взглядом с головы до ног. Профессиональным взглядом, оценивающим. И неожиданно смягчилась: – Впрочем, если для тебя это столь принципиально, могу и бесплатно обслужить. Ради интереса. Или, как ты говоришь, бескорыстно. Попробую, что это такое, может, понравится...

Помимо воли я рассмеялся.

– Мой обед и тридцати зелёных не стоит. Но не в деньгах дело. А в том, что ничего ты, глупенькая, не понимаешь. Я не приемлю секс в его голом, так сказать, виде: траханье ради траханья, физиологический акт как технологический процесс. Если между мной и женщиной не возникло взаимное влечение, или, говоря высокопарно, наши отношения не окутывает некий романтический флёр, то незачем падать в кровать. Но такие отношения называются несколько иначе.

Верунчик смотрела на меня во все глаза. В расширенных чёрных зрачках читалось то ли изумление, то ли восхищение, то ли...

В свои юные годы Верунчик была прагматична до мозга костей.

– Всё, закрыли тему! – раздражённо поморщился я. Тоже, нашёл, кому лекции о морали читать.

Но Верунчик на этом не успокоилась. Видимо зацепили мои слова до крайней степени.

– Флёр ему подавай... – бурчала она, не глядя на меня и усиленно налегая на шурпу. – Романтику... Экзотику...

– Успокойся, – примирительно сказал я и положил ей ладонь на плечо.

– Да ну тебя!

Она стряхнула мою ладонь, отвернулась, смахнула с ресниц слёзы.

– Честное слово, не хотел обидеть. Хочешь, коньячку закажу? А Афанасию морду набью и освобожу тебе на сегодня от работы?

Верунчик замерла в кресле, немного подумала.

– Нет, – рассудительно сказала она. – Не надо. Афоне сегодня деньги очень нужны, а кто меня защищать будет, если ты его выключишь как в прошлый раз?

Она снова взяла ложку, доела шурпу, отодвинула горшочек в сторону.

– Вот, а говорила, что порция на троих, – хмыкнул я. – Пополнеть не боишься? Клиенты разбегутся.

– Калорий с клиентами, знаешь, сколько расходуется? – бесхитростно ответила она. Пододвинула к себе судочек с селёдкой в винном соусе, попробовала. – Это что – селёдка? Совсем непохожа...

И тут я понял, что полезного могу вывести у Верунчика.

– Слушай, а ты всех своих клиентов помнишь?

Она посмотрела на меня как на дефективного.

– Ты что, смеёшься? Ещё у токаря поинтересуйся, все ли

он болты и гайки помнит, которые за смену выточил.

– Что, совсем никого не помнишь?

– Нет, почему же, – глаза у Верунчика подёрнулись томной поволокой, и она даже перестала есть. – Некоторых помню...

– Не было ли среди них некоего Викентия Павловича Ремишевского?

– Ты чего, Артёмушка? – жеманно улыбнулась она. – Я ведь их не по именам помню...

– Он здесь, неподалёку, в двух кварталах от ресторана работает. Замдиректора банка «Абсолют». Вполне может в «Chicago» обедать.

Улыбка у Верунчика стала ещё шире.

– Их профессиями, тем более, не интересуюсь, – уточнила она. – Разве фотку покажешь, может, узнаю.

Я вынул ручку и на салфетке секунд за десять набросал портрет Ремишевского.

– Ух, ты! Как живой... – восхитилась Верунчик. – Да ты художник, Артём! А меня сможешь?

«Как живой...» – рефреном отдалось в сознании. Определённо, видела.

Я быстренько набросал и её портрет, естественно, приукрасив. Нарисовал улыбающуюся, с чуть большими, чем на самом деле, глазами, искрящимися весельем.

– Вот это да! А красками на холсте сможешь? – загорелась Верунчик. – Я в комнате у себя повешу...

– Портрет маслом дорого стоит. Твоего годового заработка не хватит.

– Опять лапшу на уши вешаешь? – Она подозрительно уставилась на меня. – Видела я картины местных мазил – они в сквере Пушкина каждый день торгуют. Самая дорогая сотню деревянных стоит.

– Извини, соврал. – Я сделал вид, что сконфузился. И соврал второй раз: – Не умею я красками рисовать.

– Жаль... – расстроилась она, продолжая рассматривать свой портрет. – А здорово было бы... Я уже портрет в своей комнате на стене представила... Люська от зависти лопнула бы...

– Так видела ты этого человека, или нет? – мягко повторил я, возвращая её из мечтаний на грешную землю.

Она оторвала взгляд от своего портрета, посмотрела на меня и неожиданно возмутилась:

– Да что ты всё допытываешься, кто он, да что он? Ты не из ФСБ?

– А что, похож?

Верунчик в очередной раз окинула меня взглядом.

– Не-е... – то ли разочарованно, то ли с облегчением протянула она. – Те коньяк жрут, что лошади, и задарма в постель тащат.

– Тогда колись, – рассмеялся я.

– Ну, видела, – пожалала она плечами. – Только ведь информация денег стоит.

– Приехали, – фыркнул я. – Я тебя обедом угощаю, а ты мне помочь не хочешь.

– Выходит, обед не бескорыстен, как ты божился? – поймала меня на слове Верунчик. И это была уже не женская логика. Обычная, нормальная. Более того – железная, против которой, как против лома, аргументов нет.

– Держи. – Я протянул Верунчику десять долларов. – Только Афанасию не показывай, отберёт.

– Ага... – как-то неуверенно сказала она, пряча купюру в кармашек курточки, и я понял, что Афанасию не придётся деньги отбирать – сама отдаст. Странные всё-таки создания эти женщины. Сутенёр проституцией заниматься заставляет, бьёт, если мало заработает, а ей только одного и надо – лишь бы он рядом был, защитничек хренов...

– Рассказывай, – вздохнул я.

– Так рассказывать-то нечего! – рассмеялась Верунчик. – Не числится этот лысый среди моих клиентов. Заходит сюда изредка, обедает. Пару раз, как ты, обедом угощал, но на этом и всё. Уж я так и эдак, а он ни в какую, лишь посмеивается. А когда Афоня за мой «простой» попытался с него деньги востребовать, то он с ним гораздо мягче, чем ты, поступил. Достал из кармана целковый, согнул между пальцами, а затем между ладонями прокатал. Не так, чтобы до конца, а до половины. Посмотрел на свою работу, сказал огорчённо, что, мол, постарел, раньше в трубочку скатывал, а сейчас только так может. Сунул Афоне в карман и пошёл се-

бе. Я тогда, как морду растерянную Афони увидела, дико захохотала, а он, гад, мне за это фингал поставил...

Да уж, я с Афоней жёстче поступил. Молниеносно, так что вокруг никто ничего не понял, ткнул под шейную мышцу прямой ладонью, и сутенёр минут на пять выключился. После такого удара, спазмирующего сонную артерию и обрекающего мозг на кислородное голодание, человек себя чувствует похуже, чем после нокдауна. Главное, не переусердствовать. Ударишь сильнее, и перед тобой труп. Но чувство удара у меня, кажется, заложено на генетическом уровне. Рука сама знает, с какой силой бить заморыша, а с какой – культуриста. Впрочем, на генетическом уровне у меня и не то ещё записано – ежели бы сведущие люди знали, в кунсткамеру поместили...

– А о чём вы за столом с ним говорили?

– Да ни о чём, – передёрнула плечиками Верунчик. – Так, трёп пустопорожний... Как с тобой вот.

В этот момент у столика появился официант с моей порцией шурпы.

– Спасибо, Валера, – кивнул я и расплатился. – Достаточно?

Он глянул на деньги, кивнул.

– Заходите к нам ещё.

– Всенепременно.

Официант скрылся за дверью в зал ресторана, и я поднялся из-за стола.

– Ты куда? А шурпа? – несказанно удивилась Верунчик.

Тогда я наклонился и сказал, глядя в глаза, полные недоумения:

– Верунчик, сегодняшним обедом и общением с тобой я сыт по самое некуда.

И провёл большим пальцем по горлу.

Глава третья

Сев в «жигули», я выехал со стоянки. И чёрт меня дёрнул принять участие в телевизионной викторине! Слово её название «Кому повезёт» подтолкнуло лишний раз убедиться, что я действительно Везунчик! Если бы деньги представляли для меня особый интерес, давно махнул бы в Лас-Вегас, сорвал куш миллионов в двадцать на каком-нибудь электронном игровом автомате, чтобы никто подкопаться не смог к моему везению, и жил бы себе без бед, припеваючи... Но чувство самосохранения подсказывало, что так делать нельзя. Будто имелся в сознании предохранитель, запрещающий выделяться из общей массы, и над всем превалировало предчувствие – стоит проявить себя, как мной тут же заинтересуются. Нет, не пресловутые компетентные органы, а некто похуже, неопределённый, как ужас из детских снов, а потому неотвратимый. Поэтому я использовал своё везение по чуть-чуть: играл во всевозможные тотализаторы, стараясь в каждой букмекерской конторе появляться не чаще, чем раз в полгода; в казино, чтобы не засветиться в глазах персонала, срывал банк исключительно на игровых автоматах, чаще «одноруких бандитах»; покупал билеты различных лотерей, опять же с невысоким призовым фондом... В общем, как уже говорил, у меня имелся тысяча и один способ лёгкого и безопасного получения нетрудовых доходов средствами,

не противоречащими, за редким исключением, уголовному кодексу. Главное – не жадничать и не «светиться». Хотя мог позволить себе и квартиру с евроремонтом, и иномарку, а не «жигули»... Да многое себе мог позволить, однако даже в ресторанах не шикавал, лишь изредка заказывая к обеду что-нибудь из деликатесов. Как красную икру с Верунчиком.

И всё же долго так продолжаться не могло. Выигрывая время от времени в столь небольшом городке, как Холмовск, я рано или поздно обратил бы на себя внимание. Поэтому и решился поучаствовать в телевизионной викторине с относительно небольшим призовым фондом. Двадцать тысяч долларов должны были на год-два обеспечить меня безбедным существованием, а дальше можно и возобновить свою деятельность. С максимальной осторожностью.

В случае с викториной предчувствие опасности не сработало, и после разговора с Верунчиком я понял, почему. Слишком много общего между мной и Ремишевским, если не по крови, то по духу. Тревожное предположение, с детства угнездившееся в сознании, что не я один такой в нашем грешном мире, обратилось в твёрдую уверенность. Никогда не предпринимал попыток искать встречи с себе подобными, – на подкорковом уровне сознания был уверен, что ни к чему хорошему это не приведёт. Личность бунтовала и не хотела становиться одной из многих; хотелось быть в единственном числе и не менять уклад жизни. К сожалению, не только от меня это зависело... И напрасно я клял себя за

то, что рискнул участвовать в телевизионной викторине. Из-за одного случая с выигрышем двадцати тысяч долларов на меня никто бы не обратил внимания. Каждую неделю таких счастливицков с десятков по стране наберётся, к тому же с выигрышами покрупнее. Так что заинтересовались мною давно...

Нехорошо засосало под ложечной. Что-то я упустил, недооценил. В том числе и ситуацию. Похоже, с предположением, что в Холмовске я смогу пробыть ещё две-три недели, придётся расстаться. Не пришлось бы, как в шпионских детективах, «рвать когти» немедленно.

Припарковав машину возле универмага, я вошёл в магазин и купил адидасовские кроссовки. Если уж предстоит удариться в бега, то обувь должна быть добротной. Хотел купить ещё неброские джинсы и пару футболок, но передумал. Если меня «пасут», то цель покупок станет очевидной. Никакое преддверие лета не оправдывает их в глазах наблюдателя.

Бросив коробку с обувью на переднее сиденье, я отъехал от тротуара, и только тогда почувствовал, что в салоне машины я не один. Поздно почувствовал – подвела в этот раз интуиция.

– Сиди спокойно, не оглядывайся, в зеркальце не смотри, – донёсся с заднего сиденья хриловатый мужской голос, и в затылок упёрлось холодное дуло пистолета. – Руки от ба-ранки не отрывай.

Непроизвольно глаза всё же скосились на зеркальце зад-

него вида, но оно оказалось предусмотрительно отвёрнуто в сторону непрошеным пассажиром.

– Я сказал, не смотреть, – пожурил он. – Если, конечно, не хочешь, чтобы твои мозги по ветровому стеклу расплескались.

Первый испуг прошёл, и в голове воцарилась холодная рассудительность. Психологи спецподразделения «Аз» и не тому учили, хотя полный курс я пройти не успел из-за отчисления. И я стал поступать по инструкции, предписывающей разговором отвлечь налётчика, рассеять его внимание, чтобы обрести шанс для манёвра.

– У меня во внутреннем кармане двести долларов с мелочью, – сказал я. – Всё, что есть. Сам достанешь портмоне, или мне вынуть?

– Не надо.

– Что же тогда? Машина понадобилась?

– Твоим «жигулям» место на свалке, – хмыкнул налётчик. – Даже на запчасти не годится.

– Тогда что нужно? – продолжал я, потихоньку наращивая скорость и выискивая глазами на обочине столб помощнее.

– Пока нужно, чтобы сбросил скорость и ехал спокойно. Врежешься в столб, я, в худшем случае, несколькими переломами отделаюсь, а тебя с дыркой в голове никто не реанимирует.

Я сбросил скорость. Версия об ограблении отпадала. Да и не очень-то в неё верилось с самого начала. Будь это обык-

новенный грабитель, я бы почувствовал его присутствие, садясь в машину. Как бы он ни прятался.

– Куда ехать?

– Прямо, и строго соблюдая правила дорожного движения.

– Узнаю родную ГИБДД, – проворчал я. – Вы теперь так взимаете штраф с водителей, не застегнувших ремень безопасности?

– Помалкивай! – оборвал меня невидимый пассажир за спиной. – Вопросы задавать буду я. Ты, никак, в поход собрался?

– О чём это вы? – изобразил я недоумение, хотя по спине пробежал холодок. Прекрасно понимал, о чём и почему спрашивал пассажир, но откровенничать с ним не собирался.

– О твоей покупке.

– О кроссовках, что ли? А причём здесь поход? Лето на носу, а кроссовки – самая удобная летняя обувь, вы не находите?

– Я нахожу, что ты слишком много болтаешь, – процедил он. – Не пытайся отвлечь внимание, я выстрелю раньше, чем надумаешь что-то сделать. Сейчас ты проделаешь незамысловатую операцию, но учти, одно неверное движение, и я стреляю.

– Стреляю это, стреляю то... Может, сразу, а? Пока я не успел подумать.

– Не умничай!

Он придвинулся ближе, и я почувствовал на затылке его дыхание. Одновременно ощутил тонкий запах то ли лосьона после бритья, то ли одеколона.

– Сделай, как написано в окошке, – сказал он, и слева от меня появилась рука в перчатке с идентификатором имени. В окошке горела надпись: «Приложите большой палец правой руки к левому краю окошка». Следовало понимать, что мои полные Ф. И. О. были набраны заранее.

– Ничего не получится, – фыркнул я.

– Это ещё почему?

– Сегодня утром уже пробовали.

– Кто?

– Некто Ремишевский, замдиректора холмовского филиала банка «Абсолют».

– Даже так... Всё равно прикладывай.

Деваться было некуда, и я приложил палец, хотя очень не хотелось. Может быть, утром в памяти прибора была неполная информация, её добавили, скорректировали, и теперь идентификатор выдаст моё настоящее имя. Имя, о котором я и не подозревал. Бред, конечно, – какое ещё настоящее имя? – но холодок в груди не таял.

Налётчик убрал руку, прибор знакомо застрекотал, а затем замигал красным светом. Настолько ярким, что отсветы мигания отражались в ветровом стекле, и догадаться, какая именно надпись высветилась в окошке прибора у меня

за спиной, не составляло труда.

«Error!»

– Я же говорил... – индифферентно проронил я, но с души словно камень упал. Непонятные действия всегда вызывают опасения. Как, скажем, результаты анализа в поликлинике действуют на несведущего. Что, сахар в моче нашли?! Значит, болен... Мой «сахар» пока не обнаруживался.

– М-да... – протянул за спиной непрошенный пассажир, и мне показалось, что в его голосе прозвучали нотки удовлетворения. Странно, утром на лице Ремишевского я увидел разочарование...

Пассажир за спиной завозился, то ли пряча прибор, то ли доставая что-то ещё из карманов. Удобный момент для контрдействий, но я им не воспользовался, интуитивно понимая, что реакция противника не уступает моей. Сзади сидел отнюдь не сутенёр Афоня, с которым я бы с закрытыми глазами справился.

– Не надо... – словно уловив мои мысли, тихо сказал он и чуть сильнее надавил дулом пистолета на затылок. Но, странное дело, угрозы в голосе уже не чувствовалось. – Руки с баранки не снимай, голову не поворачивай, а скоси глаза и посмотри на это.

На коробку с обувью что-то шлёпнулось.

Я скосил глаза и увидел фотографию молодого парня, сероглазого, веснушчатого, коротко стриженного, с аккуратной рыжеватой бородкой.

– Я его не знаю.

– Знаю, что не знаешь. Скоро познакомишься. Сегодня, завтра, послезавтра встретишься. Подойдёт к тебе вроде невзначай, завяжет разговор. В конфронтацию с ним не вступи, поговори, послушай. Если разговор...

– Вы что, вербуете меня? – возмутился я.

Пассажир за спиной невесело рассмеялся.

– Мальчик мой, – с непонятной горечью в голосе произнёс он, – я предоставляю тебе всего лишь шанс выжить. Не больше, и не меньше.

От его слов мороз продрал по коже. Ну ни фиги себе! Жил себе спокойно, не тужил, никого не трогал, считал себя если не счастливчиком, то везунчиком из-за дара выигрывать в лотереи и любые игры... И на тебе – «счастье» какое подвалило!

– А теперь выслушай напутствие до конца и хорошенько его запомни, – продолжал невидимый «благодетель», разрешивший мне выжить. – Если разговор с этим человеком тебе очень не понравится, – подчёркиваю, очень! – только в этом случае скажи собеседнику: тэмбэсаддон. Понятно?

Я немного помолчал, осмысливая ситуацию. Несмотря на драматическое положение: угрозу прострелить голову и обещание позволить мне выжить, – от слова «тэмбэсаддон» за три версты несло фальшью. Только в детских играх придумывают красиво звучащие, непонятные взрослым пароли. В настоящей оперативной работе, с азами которой меня знако-

мили в спецподразделении, ключевые слова пароля должны звучать обыденно и неброско, чтобы не вызывать недоумение у посторонних.

– Понятно, – буркнул я, но всё же не удержался от язвительной реплики: – Тэмбэсаддон – это, случайно, не «хозяин дома» по-йорокски?

Реплика произвела должное впечатление. Я почувствовал, как ствол у затылка дрогнул, и пассажир на некоторое время замолчал.

– Как посмотрю, ты уже кое-что знаешь... Тем хуже для тебя, – сказал он, но опять в тоне не было угрозы, наоборот, сожаление сквозило в словах странного пассажира. – Прими последнюю рекомендацию: не вздумай драпать из города. Не советую.

В этот раз я промолчал. Советчик нашёлся! Приму, конечно, к сведению. Дорогого такой совет стоит, о многом говорит. Но решать, «драпать» из города, или нет, и если да, то когда, буду я.

– А сейчас сверни в переулок направо и метров через двадцать остановись, – приказал пассажир.

Только тут я заметил, что мы почти выехали из города и проезжали частный сектор Рудничного района, застроенный невзрачными одноэтажными домиками ещё в советские времена по типу, кто во что горазд. Коттеджей «сильных мира сего» здесь не было, они располагались на другом конце города, вдоль речки Лузумы. Вряд ли в местных халупах мог

квартировать заказчик моего похищения. Значит, здесь мы расстанемся... Интересно, как? «Засветится» пассажир, или попытается выключить меня болевым ударом? Из его положения удобнее всего бить за ухом, либо по мозжечку. Первый удар вызывает настолько дикую вспышку боли, что человек если и не теряет сознание, то корчится минуты три и ничего вокруг не видит. Второй удар почти безболезнен, однако сотрясение мозжечка надолго лишает человека зрения и нарушает координацию движений. Но это у обычного человека, не у меня. Чувство боли у меня настолько притуплено, что я никогда не испытывал болевого шока. Нет, боль я чувствую, но слабовыраженную, которая лишь сообщает о повреждении какого-то участка тела. Помню, в детстве, катаясь на велосипеде, я сорвался с обрыва в Лебединский котлован и метров сто катился по склону до самого дна. Сломал ключицу, левую ногу в двух местах, три ребра. Врач скорой помощи чрезвычайно удивлялся, что я остался жив, не потерял сознание, но больше всего его поразило то, что я шутил и не обращал внимания на тряску, пока меня доставляли в больницу. Интересно, а как бы он отреагировал, если бы узнал, что кости через неделю срослись?

Я свернул направо, проехал немного по пустынному переулку и остановил машину у палисадника приземистого домика с мутными маленькими окошками и давно небелеными, в серых потёках стенами.

– Здесь? – спросил я, ожидая удара. Главное – правдопо-

добно изобразить болевой шок и потерю сознания с открытыми глазами.

Но изображать ничего не пришлось.

Глава четвёртая

Я не сразу понял, где нахожусь. Тело было ватным, в глазах искрило, мысли ворочались тяжело, с натугой. «Жигули» стояли на разбитой грунтовой дороге со следами некогда покрывавшего её асфальта, а по обеим сторонам тянулись старенькие, обшарпанные домики какого-то посёлка с палисадниками у фасадов, где огороженными ветхими штакетниками, а где нет. В тщательно ухоженных палисадниках набухали почками кусты, кое-где буйным цветом пенились абрикосовые деревья. С безоблачного неба ярко, до рези в глазах, светило солнце, вдоль заборов расхаживали куры, а метрах в десяти от капота «жигулей» переходил дорогу матёрый чёрный кот. Шёл степенно, не глядя по сторонам, по-хозяйски.

Прошло несколько минут, пока я начал соображать, что никакой это не посёлок, а окраина Холмовска, и нахожусь я в том же переулке, в который заставил свернуть так и не увиденный мною пассажир-налётчик.

Сознание я потерял первый раз в жизни. Но не от болевого шока, а от электрического. Разряд электрошокера был настолько мощным, что наручные часы остановились, и лишь по циферблату на приборной панели я понял, что пребывал в небытии около пяти минут. Потрогал саднящий затылок и обнаружил под волосами два липких бугорка, сочащихся кровью. Ха-арошим разрядом меня угостили! Чуть помощ-

нее, и – как говорил незнакомец – никто бы не реанимировал... Да уж, «весело» день начался, а продолжается ещё веселее. Впрочем, ещё не вечер. Не напрасно один из законов Мэрфи гласит: «Когда дела идут хуже некуда, в самом ближайшем будущем они пойдут ещё хуже». И я почему-то был уверен, что так и будет. Покатится, так сказать, по накатанной дорожке...

Когда слабость отпустила и в ушах перестало звенеть, я включил зажигание, вывел машину из переулка и поехал домой. Ехал очень аккуратно, поскольку до сих пор испытывал некоторую раздвоенность сознания и заторможенность реакции. Какие там хвалёные двадцать пять кадров в секунду, от силы – три-четыре с трудом схватывал и перерабатывал мозг.

Поставив машину на платную стоянку недалеко от дома, домой, тем не менее, не пошёл. По мнению квалифицированных врачей, лучшим средством, снимающим стресс после поражения нервной системы электрическим током, является спиртное. Пить водку я не хотел, поэтому направился к пивному ларьку у гастронома. Весьма примечательному заведению, если его так можно назвать.

Пивных заведений, как стационарных кафе с броскими названиями, так и безымянных летних, с традиционными зонтиками, выносными пластиковыми столиками и креслами, в Холмовске расплодилось превеликое количество. Но этот пивной ларёк был единственным в своём роде. Что-то

в нём осталось от советских времён, когда главным был сам продукт, то есть пиво, а не качество обслуживания. Официанты здесь отсутствовали, пиво подавалось в стеклянных кружках из-за мутного окошка в торце девятиэтажки вечно недовольным, небритым мужиком в грязном халате, а распивалось в десяти метрах от места выдачи – под открытым небом на длинном металлическом столе у парапета, отделявшего липовый сквер от широкого тротуара. Пиво, стоившее в ларьке раза в три дешевле, чем в любом кафе, и непрезентабельность обстановки привлекала сюда, в основном, контингент рабочих рудника, принимавших пару кружек после смены с устатку да под водочку.

Светлое пиво местного пивзавода, несмотря на дешевизну, всегда было свежим, холодным и на удивление вкусным, духмяным, быть может, потому что не содержало консервантов. Поэтому я здесь иногда выпивал кружку пива, про себя шуточно именуя это действие «хождением в народ».

Взяв пару кружек, я прошёл к металлическому столику и купил небольшую воблу у приторговывающего на парапете одноногого старого инвалида в замызганном пиджаке с тремя рядами орденских колодочек. Старик, прозванный Полковником, являлся такой же неотъемлемой частью пивного ларька, как и грязный халат бармена. Не знаю, был ли он действительно полковником в отставке или нет, но к своему воинскому прошлому Полковник относился с честью – раз в полчаса доставал из кармана тряпицу и любовно протирал

орденские колодочки.

Первую кружку я выпил залпом и, в ожидании, пока алкоголь начнёт снимать стрессовое состояние, принялся чистить воблу.

Справа от меня в одиночестве пил пиво прилично одетый высокий седой мужчина с аккуратно подстриженной и такой же седой бородкой. Явно не из обычного контингента ларька. Застывшее лицо, остановившийся взгляд, чёрная рубашка, кольцо на левой руке, след от этого кольца на безымянном пальце правой взывали к сочувствию. Я задержал взгляд на его лице, хотел выразить соболезнование, но вовремя прикусил язык. Мужчина в сочувствии не нуждался – он бы его просто не принял. Настолько ушёл в себя, что ничто мирское его не интересовало.

Я же начинал постепенно отходить после электрического шока и, несмотря на соседствующую чужую скорбь, обретал способность радоваться жизни. Поэтому отвёл взгляд от седого мужчины и посмотрел налево.

Слева, по обе стороны стола, расположилась компания четверых мужчин в летах, но явно не пенсионного возраста. По всем признакам: огрубевшие руки с траурными полосками под ногтями, обветренные лица – это были рабочие рудника, раскрепощавшиеся после смены. На столе стояли четыре кружки пива, полиэтиленовые стаканчики, одноразовая тарелка с копчёной мойвой, две бутылки водки – одна пустая, вторая наполовину; на обрывке газеты лежала ском-

канная фольга от плавленных сырков, рыбы кости, несколько кусочков хлеба. Компания уже достаточно раскрепостилась, поэтому разговор, как водится, вёлся на политические темы. Два на два – как стояли.

– Если Лазутченко станет губернатором, мы заживём! – утверждал малорослый крепыш с багровым лицом. – Толковый мужик, хозяин!

– Дерьмо он, а не хозяин! – возражал худой и бледный, как сама смерть, оппонент напротив. – Миллионами ворует! Ты читал, что о нём Гудков пишет? – Он постучал заскорузлым пальцем по обрывку газеты. – Вот если Гудков станет губернатором...

– Ага! А Гудков чистенький, не ворует? Станет губернатором, начнёт так воровать, что мы без штанов останемся!

Я слушал «диспут» и посмеивался про себя. Невольно, как сравнение, вспомнились строчки из «Золотого телёнка» Ильфа и Петрова, когда старожилы Черноморска обсуждали на рынке известных политиков начала двадцатого века: «Бриан – это голова, я бы ему пальца в рот не положил...» Прошло почти сто лет, но ситуация практически не изменилась. Разве что с поправкой на лексику, да тем, что старожилы Черноморска перемывали косточки политикам глобального масштаба, а рабочие рудника – местным мелким сошкам. Но и в этом разница невелика – как сейчас уже никто не знает, кто такой был Бриан, так и через двадцать лет память о неких Лазутченко и Гудкове выветрится из голов обывате-

лей.

По мере того как спор разгорался, крепло ехидное желание вмешаться. Наконец я не выдержал.

– Мужики, – сказал я, подавшись в их сторону, – вы не правы. Как по мне, то я бы всем нашим современным политикам памятник поставил.

На мгновение среди спорщиков воцарилась тишина.

– Как – всем?! – возмутился крепыш с багровым лицом, сверля меня непримиримым взглядом.

– А вот так. поголовно. – Я выдержал паузу и добавил: – На кладбище. – Затем отхлебнул пива, подождал, пока смысл сказанного дойдёт до спорщиков, и подвёл окончательный итог «дискуссии»: – И чем раньше, тем лучше.

Сразил я спорщиков, что называется, «по счёту раз». Они мгновенно протрезвели, испуганно втянули головы в плечи, переглянулись между собой и вдруг начали бочком выбираться из-за стола.

М-да... Не получилось у меня «хождение в народ». Хотел им вдогонку крикнуть: «Мужики, куда вы? КГБ давно нет, и я не провокатор!» – но передумал. Это только усугубило бы ситуацию.

– Эй, парень! – позвал кто-то, и я интуитивно понял, что обращаются ко мне. Повернул голову, и увидел, что на меня смотрит Полковник, сидевший на парапете у края стола.

Кажется, напросился со своими политическими сентенциями. Захотел пообщаться с народом – получай желаемое.

Сейчас начнётся нытьё ветерана о том, как и где он воевал, и чем ему Родина за ратный труд заплатила.

– Что тебе, дед?

– Там у ребят водка осталась, – попросил он, – не передашь?

Ошибся я. Не интересовала Полковника политика, а привлекали более простые, материальные вещи. Я взял бутылку с остатками водки и отнёс ему.

– Ещё и пиво осталось, – сказал я.

– Не, спасибо, – отказался Полковник. – Пиво на мочевой пузырь действует, а в моём положении бегать туда-сюда обременительно. Разве под себя ходить.

Разведя руками, мол, хозяин – барин, я вернулся к своей кружке. Полковник достал из сумки мятый полиэтиленовый стаканчик, налил водки, выпил как воду, не морщась и не закусывая. Затем вынул из кармана тряпицу, вытряхнул на неё из стаканчика остатки водки и тщательно протёр орденские колодочки. Ритуал, надо понимать, хотя что он означал, я не знал, а интересоваться не хотел. Хватит с меня одной попытки «хождения в народ»...

У длинного металлического стола собралось довольно много людей – кто втроем, кто вдвоем пили пиво, водку, закусывали, курили, приглушенно переговаривались. По всему видно, что мой политический спич ни на кого не произвёл впечатления, кроме четверых ретировавшихся спорщиков. Скорее всего, просто никто не слушал рядом стоящих, у

всех были свои проблемы. Как и у меня. Мои проблемы тоже не имели никакого отношения к политике. Не было их до сегодняшнего дня, откуда они взялись на мою голову?! Стоял бы сейчас здесь, смаковал пиво, как все вокруг. Так нет же...

С безоблачного неба по-весеннему пригревало солнце, в липовом сквере чирикали воробьи, но на душе было гадко. Пиво сняло стресс, я немного разомлел, но радости от этого не испытывал.

– Свободно?

О стол грохнула кружка с пивом, шапка пены колыхнулась, но не слетела.

Я поднял глаза и обомлел. Передо мной стоял молодой рыжебородый парень с фотографии, предьявленной так и не увиденным мною пассажиром. Обещал «налётчик», что парень появится сегодня, завтра, послезавтра, но я никак не ожидал, что это произойдёт так скоро. Лицо у парня было симпатичным, приветливым, и никакой антипатии, вопреки предубеждению, навеянному словами таинственного пассажира, он не вызывал.

– Ка-анешно, дарагой! – Не знаю почему, но во мне заговорило кавказское радушие. – Какие могут быть вапросы? Присоединяйся... – И тут чёрт дёрнул меня за язык: – Тэмбэсаддон!

Парень вздрогнул, застыл, как-то странно посмотрел на меня расширившимися зрачками и вдруг стал оседать, заваливаясь под стол.

– Во, нажрался! – прокомментировал кто-то.

Вконец растерявшись, я глянул под стол. Парень лежал на асфальте, раскинув руки, глаза неподвижно смотрели в безоблачное небо. Никто на инцидент не обратил внимания. Ну, перепил мужик, теперь отдыхает – эка невидаль! Дня не проходило, чтобы кто-нибудь на асфальте, либо неподалёку, в липовом сквере, не «отдыхал», перераслабившись.

И только седой высокий мужчина, в одиночку пивший пиво рядом со мной, среагировал адекватно. Он нырнул под стол, присел перед парнем на корточки, потрогал его шею, затем расстегнул куртку парня и, став на колени, приложил ухо к груди.

– Что с ним? – с замиранием сердца тихо спросил я.

Мужчина поднялся с колен, распрямился, отряхнул брюки.

– Обширный инфаркт миокарда, – ровным голосом сказал он. – Надо скорую вызвать, чтобы констатировала смерть.

– Может, и милицию?

– Зачем? Криминальной составляющей в его смерти нет.

Седой мужчина посмотрел на меня, и по его глазам я понял, что этот человек сталкивается со смертью не впервой.

Глава пятая

Вечером я напился. Под видом того, что пошёл искать телефон-автомат, чтобы вызвать скорую помощь, покинул место происшествия, но звонить не стал. Зашёл в гастроном, взял литровую бутылку коньяка и направился домой. Дома убрал звук на автоответчике, выключил сотовый телефон и принялся пить «по-чёрному». Но аристократический напиток не брал, и я сидел трезвый, как стёклышко, хотя начал сразу со стакана. И в то же время в голове наблюдался полный сумбур – все события сегодняшнего дня раздробились на отдельные эпизоды, будто осколки разбитого зеркала, и никак не хотели упорядочиться в целостную картину. Такое впечатление, что электрошок напрочь уничтожил умение выстраивать логические цепочки и делать выводы.

Что это за слово такое, которое убивает наповал?! Не может такого быть! В спецподразделении нам читали лекции по практической психологии: степени внушаемости, зомбированию... Как ни зомбируй человека, невозможно внушить ему совершение самоубийства, поскольку инстинкт самосохранения управляет психикой, а не наоборот. Конечно, можно косвенно подтолкнуть человека к самоубийству, например, внушив, что он умеет летать. Однако стопроцентной гарантии, что зомбированный «отправится в полёт» с крыши небоскрёба, а не из окна второго этажа, этот способ не да-

ёт. Есть только один стопроцентный способ – воспитание с детских лет фанатика-смертника, – но тогда фанатик идёт на самоубийство осознанно. А чтобы вот так вот, только от одного имени случился обширный инфаркт миокарда...

Волосы на голове зашевелились, меня охватил озноб. Имени, конечно же, имени! И Ремишевский, и неизвестный пассажир в моей машине пытались с помощью загадочного прибора определить какое-то имя! Моё имя. Один огорчился, но старался при этом не показать виду, другой же наоборот, похоже, обрадовался... Причём настолько, что «на радостях» шарахнул меня мощным разрядом электрошокера... Да и сам я интуитивно догадывался, что им надо – спрашивал же, что означает «тэмбэсаддон» по-йорокски...

Я выпил залпом ещё стакан коньяку, но облегчения, что моё закодированное имя никому неизвестно, не испытал. Сейчас неизвестно, а позже... Подойдёт ко мне кто-нибудь на улице, попросит прикурить, а затем, вместо благодарности, скажет что-нибудь типа «ауфлемэ» – и, будьте любезны, извольте обслужить клиента в похоронном бюро.

Но когда меня могли закодировать?! В спецподразделении, что ли? Вряд ли – по данным медицинского обследования степень моей внушаемости равна нулю... Что же касается имени, то есть агентурной клички, то её не успели присвоить, поскольку я был отчислен из спецшколы из-за нетолерантности (как сказал на прощание капитан-наставник: «Завидую твоей реакции, но в разведку с тобой бы не пошёл.

Ты, парень, себе на уме и сам по себе. А у нас товарищество выше всего ценится, и должно быть сильнее кровного родства»). Была, правда, предварительная кличка – Везунчик, из-за того, что я у всех в казарме выигрывал в карты. Но это по-русски, а не по-йорокски, к тому же меня так не раз вслух называли в букмекерских конторах, когда получал выигрыши – и ничего, кондрашка не хватила...

С другой стороны... А стоило ли верить, что степень моей внушаемости нулевая? Кто даст гарантию, что доведенные до меня сведения медкомиссии достоверны? Нулевую степень внушаемости тоже можно внушить, а перед этим ещё и кодовое имя... Имя смертника-камикадзе.

Но зачем кому-то «выключать» меня из жизни? Что я мог знать такого, из-за чего на меня началась охота? До сегодняшнего дня и не подозревал, что есть ещё люди с такими же уникальными способностями. Разве что на интуитивном уровне, не более. К тому же, если меня хотели убрать, то знать моё кодовое имя не обязательно. Выстрел в голову, и как сказал таинственный попутчик в «жигулях»: «мозги по ветровому стеклу»... А знал он не только то, что меня в голову стрелять нужно, но и о моём болевом пороге. Не напрасно моё сознание отключил не ударом в нервный центр, а электрошокером.

И тут я впервые подумал, что мои уникальные способности могут не иметь никакого отношения к естественной наследственности. Насколько помню, ни мать, ни отец ничем

подобным не отличались. Обычные, нормальные люди... От этой мысли меня передёрнуло, я взболтал коньяк в бутылке и, запрокинув голову, начал пить из горлышка. Торопясь, вздохнул, чтобы дикие предположения не лезли в голову.

Напрасно я заглушил мысли алкоголем и не позволил себе аналитического осмысления перипетий сегодняшнего дня. Коньяк добрался-таки до мозга, затуманил сознание, и я, найдя в себе силы всё-таки раздеться, повалился на диван и мгновенно уснул. А дикие предположения трансформировались в кошмарный, бессвязный сон.

Снилось мне, что я сижу, привязанный к некоему подобию зубоучастного кресла в медицинской лаборатории космического корабля пришельцев. На огромном, в полстены, экране зияет пустота космоса, а сбоку видна половинка очень близкой Луны – настолько близкой, что на её поверхности чётко просматриваются кратеры и место посадки одного из «Аполлонов» с крошечным американским флагом на флагштоке. Напротив меня на высоком стульчике восседает субтильный фиолетовый пришелец с лицом, закрытым маской, карикатурно передающей черты заместителя директора холмовского филиала банка «Абсолют» Викентия Павловича Ремишевского.

– Назови своё имя! – требует пришелец и тычет мне в грудь средним пальцем трёхпалой руки.

– Артём Владимирович Новиков... – через силу выдавли-

ваю я.

– Неправильный ответ... – слышится из-за спины голос таинственного попутчика из «жигулей».

Тело пронзает разряд электрошокера, меня начинает корчить, в глазах темнеет, и на сумеречном фоне загорается громадная, мигающая красным светом надпись «Error!».

– Назови своё имя! – повторно требует пришелец.

– Ауфлемэ...

– Неправильный ответ.

И опять всё на свете заслоняет кровавая мигающая надпись.

– Назови своё имя!

– Тэмбэсаддон...

– Неправильный ответ!

Снова разряд, и снова: «Error!», «Error!», «Error!»...

– Назови своё имя!

– Везунчик... – пытаюсь прошептать непослушными губами, но получается почему-то «Верунчик». И горько, и больно, и смешно от такого созвучия.

– Неправильный ответ!

И снова бесконечное «Error!»

...

Error!..

...

Error!..

...

Error!..

Проснулся я с тяжёлой головой, но валяться на тахте себе не разрешил. Встал и полчаса до седьмого пота разгонял кровь физзарядкой на тренажёре. Затем принял контрастный душ, и только после этого позволил себе чашечку кофе.

Объяснить вчерашние события инопланетным вторжением было проще всего – почитывал в своё время брошюры на эту тему, фильмы смотрел, в Интернете копался. Но из всей информации усвоил только одно – написать такое и верить в инопланетян могли лишь глубоко уязвимые люди с большой психикой. Как мой ночной кошмар. Поэтому с выводами я не стал торопиться. Пусть в голове всё уляжется, систематизируется. Всему должно быть разумное объяснение – реальное, а не фантазмагорическое.

Первым делом я включил сотовый телефон, затем прослушал сообщения на автоответчике, обругав себя на чём свет стоит – решил вчера вести себя как ни в чём не бывало, но в первый же вечер взял и отключил телефон. Как к этому отнесутся мои новые «знакомцы»?

А никак они к этому не отнеслись. Точнее, меня никто об этом не уведомил, поскольку на автоответчике была лишь одна запись.

– Артём, ты свинья, – звонила вечером по сотовому телефону Наташа. – Дома тебя нет, мобильник ты отключил. Спектакль десять минут как начался, поэтому твой билет я

отдаю молодому человеку... Как вас зовут?.. Володя? Володе... В отличие от тебя он хочет попасть на спектакль.

Наташин голос звучал как будто из другой жизни. В общем, так оно и было. Вчерашние события разделили мою жизнь пополам: прошедшую – тихую, спокойную, и будущую – полную тревоги и неопределённости.

Конечно, я свинья. В кои-то годы в наш городок приехала столичная труппа с новомодным мюзиклом «Бродвей – Таганка», я загодя купил билеты, а вот на спектакль прийти не удосужился. Хорошо, хоть билеты были не у меня, а у Наташи.

Нужно было позвонить и извиниться, но я не стал. С женщинами у меня всегда получалось просто – связь протекала именно на том уровне, который я описывал Верунчику-Инге, и не более. Два-три месяца, максимум – четыре, а затем мы легко расставались. Без всяких проблем и взаимных претензий с обеих сторон. И в этом я был Везунчиком.

Я сел к компьютеру, включил его, посмотрел электронную почту. Писем не было. Не очень-то жалуют сейчас эпистолярный жанр даже в Интернете. Предпочитают сотовую связь...

Отключив компьютер, я вдруг ощутил пустоту в душе. Громадную, зияющую. Заняться было абсолютно нечем. Нечем! Вчерашние пристрастия и увлечения отошли на столь далёкий второй план, что казались чужими и неинтересными. Начиналась новая жизнь, но с чего её начать, я не

знал.

И не хотел. Если бы в мире всё зависело только от наших желаний...

Однако хочешь не хочешь, а начинать надо.

Начал я с самого простого – с завтрака. Готовить опостылевшую яичницу не захотел, поэтому оделся, обул новые кроссовки и пошёл завтракать в кафе «Наш двор», построенном предприимчивым предпринимателем года два назад между панельными шестиэтажками метрах в двадцати от моего подъезда. Весьма удобное заведение для такого холостяка, как я.

Выйдя на крыльцо, я остановился, вдохнул полной грудью. Такое впечатление, будто всю жизнь провёл в запертой душной квартире и вот впервые вышел на свежий воздух.

Весна наконец-то взялась за дело по-настоящему. С безоблачного неба всюду светило солнце, от газонов с пробившейся порослью молодой травы поднимался кружащий голову аромат пробуждающейся природы. Живи – не хочу. Почки на деревьях начали лопаться, и создавалось впечатление, что кто-то, не скупясь, обрызгал голые ветки зелёной краской из пульверизатора. Одну из черёмух облепили воробьи и галдели на все лады, как на птичьем базаре. То ли, как и я, радовались весне, то ли своим гвалтом предвещали непогоду. Как городской житель, погодных примет я не знал, и надеялся, что второе предположение в корне неверно.

Вдохнув прохладный пьянящий воздух ещё раз полной

грудью, я уже собирался ступить с крыльца, как заметил, что метрах в двух от подъезда сидит рыжий, лисьего цвета, мохнатый пёс средних размеров и смотрит на меня. С любопытством смотрит, склонив голову на бок и приподняв левое вислое ухо. Из-за вздёрнутой брови казалось, что пёс рассматривает меня с таким ехидным прищуром – мол, как дела?

– Привет! – махнул я рукой псу и, сбежав по ступенькам, направился к кафе.

Против ожидания, пёс не тявкнул, не завилял обрубок хвоста, а лишь миролюбиво, не раскрывая пасти, заворчал и пошёл за мной. Весьма воспитанная псина, ухоженная, хоть и без ошейника. Наверное, хозяева выгнали на улицу – то ли надоел, то ли набедокурил злостно, то ли нечем стало кормить. Да мало ли по какой причине? Сейчас многие люди оказываются бездомными, что тут говорить о собаках, которым на роду неприкаянная жизнь прописана. Впрочем, судьба пса меня не интересовала, хотя не скажу, что к домашним животным отношусь совсем уж равнодушно. Могу подкормить, погладить, поиграть... Но содержать дома – увольте!

У дверей кафе я остановился, повернулся к псу и сказал: – Извини, мужик, что не приглашаю, но в кафе собакам вход воспрещён. Полная дискриминация.

Пёс посмотрел на меня понимающим взглядом, тяжело вздохнул и медленно пошёл прочь своей дорогой. Однако впечатление побитой собаки не производил – голову нёс вы-

соко, с достоинством.

В небольшом зале кафе находилось всего два посетителя – за крайним столиком начинающий сидеть мужчина, то ли поздний отец, то ли ранний дедушка, кормил мороженым то ли сына, то ли внука лет семи. Понятное дело, почему здесь пусто – утро, да и не сезон. Это летом, когда на мощёном тротуарной плиткой пяточке у кафе выставлялись выносные столики, наблюдался наплыв посетителей, а в остальное время года разве что какой холостяк, вроде меня, сюда забредал.

Молоденькая официантка Нюра сидела за стойкой, подпёрши голову ладонями, и уныло наблюдала, как мальчишка методично поглощает мороженое. Другого занятия у неё не намечалось, и ей было откровенно скучно.

– Нюрочка, здравствуй, – сказал я с порога.

Официантка перевела на меня соловый взгляд, но, узнав, тут же преобразилась. Вскочила с места, заулыбалась, расцвела.

– Здравствуй, Артёмушка! Что-то давненько не захаживал. Аль женился, жена завтраками кормит?

– Типун тебе на язык! – наигранно ужаснулся я.

– Завтракать будешь, или только кофе?

– И то, и другое. – Пройдя к стойке, я сел на высокий табурет. – Жареные шпикачки, чипсы, кетчуп с паприкой и, естественно, кофе. Чёрный, натуральный.

– Бегу, родненький! – засуетилась Нюра. – Пять минут, и всё будет готово!

Она включила кофеварку и умчалась на кухню – в межсезонье повар не работал, и всё готовила Нюра. Была она то ли дочкой хозяина кафе, то ли племянницей, о чём не раз намекала, ведя планомерную осаду моей холостяцкой жизни – мол, приданое есть, дело за тобой. А за мной «заржавело». Причём настолько, что захаживал сюда всё реже и реже. Девочка симпатичная, аккуратная, но я таких, озабоченных созданием семейного очага, обходил десятой дорогой. Пелёнки, распашонки, претензии... Зачем мне эта обуза?

Из динамика музыкального центра приглушённо лилась музыка, и вкрадчивый мужской голос задушевно выводил:

Такого снегопада, такого снегопада
Давно не помнят здешние места...

М-да, как говорится, не по сезону...

«Зимняя» песня закончилась и тут же сменилась бравурной «летней»:

Тополиный пух, жара, июнь,
Ночи такие звёздные...

Я чуть не расхохотался. Ни снега, ни тополиного пуха за окном не наблюдалось. Уж лучше бы сводку погоды передали.

За стойкой появилась Нюра со скворчащими на сковородке шпикачками.

– Я тебе с лучком поджарила... Пальчики оближешь! – заявила она, выкладывая шпикачки на тарелку и пододвигая ко мне. Затем налила чашку кофе и поставила рядом.

Полив шпикачки кетчупом, я принялся за еду. Нюра присела напротив, подперла кулачком щеку и принялась смотреть на меня умильным взглядом.

– Ну, как?

– Что – как?

– Вкусно?

Я прожевал кусок и изобразил на лице восторг.

– Женюсь! – выпалил. – Немедленно!

– Тебе бы всё шуточки шутить... – покраснела Нюра и, отведя взгляд, затеребила оборку фартука. – А я здесь одна, можно сказать, увядаю...

– Прямо-таки и увядаешь! Цветёшь и благоухаешь! Не переживай, цветочек, сядет и на твой пестик мохнатый шмель.

И тут я почувствовал на затылке чей-то пристальный взгляд. Скосив глаза на крайний столик, я увидел, что сидящий мужчина о чём-то тихо переговаривается со своим то ли сыном, то ли внуком. Значит, не он. Кто же тогда мог наблюдать за мной в пустом кафе? И только переведя взгляд на зеркальную витрину за спиной Нюры, я понял, кто на меня смотрит. За окном, на тротуарной плитке у кафе, сидел рыжий пёс и не сводил с меня взгляда. После вчерашних событий я был готов к тому, что за мной установят слежку, и мои чувства обострились. Причём настолько, что среагировали

на взгляд голодного пса. Это уже паранойя...

Я повернулся на табурете и сквозь стекло посмотрел псу в глаза. Рыжий пёс взгляда не отвёл.

– Чья это собака? – спросил я, вновь поворачиваясь к Нюре.

– Какая собака?

– Вон, за окном.

– У меня здесь кафе, а не площадка для выгула животных, – обиженно протянула Нюра.

– Брось, Нюрочка, дуться, – ласково сказал я. – Жениха мы тебе найдём. Молодого, красивого и, главное, верного, а не такого кобеля, как я.

Нюрочка оттаяла. Хотя ни на йоту не верила пустопорожнему трёпу, но ласка и клятвенные обещания действуют на женщин безотказно.

– Так чья это собака? – вернулся я к своему вопросу. – Ты же во дворе всех собачников знаешь, выгуливают своих питомцев под твоими окнами.

– Ага, – согласилась Нюра. – Как зима, снег, так все собаки сбегаются на площадку гадить... – Прищурившись, она всмотрелась сквозь стекло в пса. – Нет, эту псину в первый раз вижу... Бродячая она, вон и ошейника нет.

Я кивнул в подтверждение своей догадки и принялся доедать шпикачки. Вкусно Нюра готовила, знала, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Но на «вкусно поесть» я не собирался менять холостяцкую свободу.

«Летняя» песня о жаре и тополином пухе закончилась и, наконец, прорезался голос диск-жокея:

– Зима давно сдала свои права, а до лета ещё далеко. Поэтому наше музыкальное путешествие по временам года мы заканчиваем песней, соответствующей сегодняшним погодным условиям.

Из динамика страдальчески полилось:

Лишь только подснежник распустится в срок,
Лишь только прокатятся вешние грозы,
На белых стволах появляется сок,
То плачут берёзы, то плачут берёзы...

Напрасно я иронизировал по поводу подборки песен – диск-жокей не зря ел свой хлеб, составляя программы.

– Пицца у тебя с чем? – спросил я, запивая завтрак кофе.

– Ты не наелся, родненький? – вскочила со стула Нюра. –

С курятиной и грибами. Сегодняшняя.

– Острая?

– А какую ты хочешь?

– Без перца.

– Разогреть? – Нюра схватила с прилавка пиццу и метнулась к микроволновой печи.

– Не надо, – остановил её я. – С собой возьму.

Расплатившись, взял пиццу со стойки и встал.

– Спасибо, Нюрочка, было очень вкусно.

– Заходи чаще, – жалостливо, в тон звучащей песни, про-

тянула Нюра, глядя на меня томными глазами.

– Как только – так сразу! – клятвенно пообещал я.

Выйдя из кафе, я остановился и посмотрел на пса. Пёс встретил мой взгляд спокойно и не подумал подняться, чтобы подойти. Что ж, как говорится, если гора не идёт к Магомету...

Я подошёл к псу, наклонился и протянул пиццу.

– Будьте любезны, угощайтесь.

Пёс приподнял одно ухо, окинул меня взглядом сверху до низу и аккуратно взял из рук пиццу. Затем лёг, вытянул передние лапы, положил на них пиццу и принялся не спеша есть.

Да уж, аккуратист ещё тот, невольно восхитился я. Аристократ! Определённо домашний, воспитанный. Привык, что не он служить должен, а ему прислуживать. Глядя, как он «трапезничает», поневоле пожалеешь, что предложил пиццу не на одноразовом блюдечке с голубой каёмочкой...

Из кафе во двор пробилась песня о «плачущих берёзах» – видимо, Нюра усилила звук. Была весна, и Нюра страдала.

Внезапно я понял, чем сейчас буду заниматься. Что просто необходимо сделать, если поневоле придётся уносить ноги из Холмовска. Знал я одну такую, плачущую по весне берёзку. Наверное, большая выросла, давно не проводывал...

– Будь здоров, – кивнул я рыжему псу и твёрдым шагом направился к стоянке, где вчера оставил «жигули».

А вот тут рыжий пёс растерял всю свою аристократич-

ность, потому что, доев пищу, побежал за мной, как и положено любой бездомной собаке, стремящейся обрести хозяйина. Впрочем, обнаружил я его рядом с собой только когда открыл дверцу машины.

– Извини, мужик, – покачал я головой. – Понимаю твоё желание, но ничем помочь не могу. Ты – собака, а я, фигурально говоря, – волк. Привык в одиночку бродить, и попутчики мне не нужны.

Слово «попутчик» вызвало нехорошие воспоминания, и я запоздало глянул на заднее сиденье. Никого там не было. По идее – и быть не могло. Ни один уважающий себя агент два раза тот же приём к одному и тому же фигуранту не применяет.

– Так что – прости, – разведя руками, повторился я, сел в машину и тронулся с места.

Подъехав к будке сторожа, остановился, вышел, расплатился и, всё же не удержавшись, обернулся. Пёс сидел на асфальте там, где я его оставил. Сидел спокойно, с достоинством, и отнюдь не производил впечатление брошенного.

Не знаю, что на меня больше подействовало: то ли его гордый, независимый вид, то ли воспоминание о вчерашнем непрошеном попутчике (не обязательно же он будет подсаживаться), – но я изменил решение. Достал из багажника одеяло, открыл заднюю дверцу и бросил одеяло на сиденье. Пусть лучше собака сидит, чем двуногий с пистолетом. Отнюдь не лишняя предосторожность после вчерашнего про-

исшествия у пивного ларька.

– Садись! – позвал я пса.

Пёс не заставил себя упрашивать. Трусцой подбежал, но у машины вдруг остановился, заглянул в салон и укоризненно посмотрел на меня. Затем сбросил одеяло с сиденья на пол, вспрыгнул на одеяло и принялся основательно вытирать лапы. Посчитав дело законченным, он вскочил на сиденье, сел и надменно повернул ко мне голову. Мол, шеф, в чём дело? Пассажир сидит, пора бы и в путь трогаться.

– М-да, – обескураженно цокнул я языком. – А лимузин вам не подать? С баром в салоне и стереомузыкой?

Пёс великосветски фыркнул и отвернулся. Понятно, почему его выгнали – не каждый хозяин потерпит столь барское уничижение со стороны животного.

Я захлопнул дверцу, обошёл машину, сел и включил зажигание.

Глава шестая

Стоило мне выехать на проспект Лермонтова, как зазвонил сотовый телефон. Звонил Славка и приглашал на партию преферанса. Мол, они с Лёшкой после вчерашнего культпохода с дамами на мюзикл «Бродвей – Таганка» решили вечером отдохнуть по-мужски. Честно говоря, в карты я играть не любил, поскольку всегда знал, что у кого на руках, из-за чего приходилось делать глупые ходы, чтобы не всегда выигрывать. К тому же в моём положении до вечера ещё нужно дожить. Поэтому я дал уклончивый ответ, что, скорее всего, не смогу – буду занят, а если смогу, то перезвоню. Славка принялся уговаривать, сильно налегая на мужскую солидарность, и одним из контраргументов было то, что Наташка вчера сдала мой билет на мюзикл какому-то парню, а после спектакля уехала с ним на такси. Приняв моё равнодушное «это её дело» за крайнюю степень расстройства, Славка попытался утешить дежурным «не переживай, бабу мы тебе найдём», но я от «бабы» отказался, мол, зачем, когда куда проще отбить у него Елену и дело с концом. Таких шуток Славка не переносил, разнервничался, раскричался, обозвал меня последними словами и отключился.

– Вот так теряют друзей, – философски объяснил я псу, пряча телефон в карман.

Пёс никак не отреагировал. Сидел, водрузив лапы на

спинку переднего сиденья и положив на них голову, и смотрел в ветровое стекло. Дышал тихо, спокойно и, что удивительно, с закрытой пастью, а не как большинство собак – быстро, будто запыхавшись, с высунутым языком.

– Тебя как звать-то? – спросил я. – Барбос?

Пёс бросил на меня короткий презрительный взгляд и недовольно зарычал.

– Правильно, какой Барбос с такими аристократическими повадками, – заметил я. – Разве что бывший хозяин в сердцах обзывал, потому ты и недоволен... Как же мне тебя называть, рыжий?

Опять недовольное ворчание.

– Хватит спесь проявлять, я тебя по масти назвал, а не по имени, – продолжал я. – Имя, небось, вычурное какое-нибудь, типа Навуходносор или Тэмбэсаддон...

Сам не знаю, каким образом вырвалось последнее слово, но пёс и ухом не повёл. Да и с чего бы? Нормальная собака, пусть даже очень умная, как эта, реагирует только на привычный, часто повторяемый набор звуков. Не слышал рыжий пёс никогда ни слова «Навуходносор», ни, тем более, – «Тэмбэсаддон». Откуда? Если бы сейчас зарычал, я бы поверил в нечистую силу.

– Вот что, – сказал я, – паспорта с собой у тебя нет, имени не называешь, поэтому гадать не буду. Назову-ка я тебя, такого рыжего и хитрого, Лис. И не возражать! – повысил голос, так как услышал недовольное ворчание.

– Ладно уж, – смягчился я, – если такой привередливый, буду тебя величать Сэр Лис. Устраивает?

Пёс тяжело вздохнул и смирился.

Я остановился у цветочного киоска, купил четыре белых розы с фиолетовой каймой лепестков, и мы поехали дальше. На кладбище. Если предстоит в спешке покинуть город, то грех не побывать на могиле родителей. Хоть и неверующий, но у любого нормального человека должно быть что-то святое...

Единственное кладбище Холмовска находилось в километре от города на Щегловском косогоре – сланцево-глинистом геологическом образовании, на котором лишь ранней весной появлялись редкие клочки травы, а летом вся растительность выгорала на солнце. От этого кладбище с голыми крестами и надгробиями выглядело особенно уныло и безрадостно, – даже более чем положено месту последнего упокоения.

По извилистой, разбитой асфальтовой дороге я въехал на косогор, миновал кладбищенскую контору и свернул с центральной аллеи на грунтовую дорогу, огибающую кладбище слева и идущую вдоль высоковольтной линии передач. В будний день на кладбище никого не было, лишь с краю, за оградкой одной из могил, высаживал рассаду седой бледнокожий мужчина в плавках. Не имелось, видимо, у него сменной одежды, и пришлось раздеться, чтобы не испачкаться. Погода позволяла.

Я проехал мимо и остановил «жигули», немного не доезжая второй опоры высоковольтной линии.

– Оставайся сторожить, – сказал Лису, взял цветы, вылез из машины и захлопнул дверцу.

Пёс не предпринял попытки покинуть салон и спокойно разлёгся на заднем сиденье. Нормальная псина, определённо подружимся.

Плачущей берёзы, растущей у соседней с могилой моих родителей оградки, не было. Любит берёза влагу, но, видимо, некому стало её поливать, вот и высохла на каменистом косогоре, и её спилили. Жаль, и красиво было, и хороший ориентир среди хаотично расположенных могил...

Минут пять я бродил по кладбищу, пока, наконец, не оказался на знакомом месте. И здесь сердце моё остановилось. Ни привычной оградки, ни двух чёрных скромных обелисков не было. На их месте покоилась громадная гранитная глыба, на которой восседал, распростёрши крылья, бронзовый орёл, покрытый сусальным золотом.

Я растерянно огляделся. Нет, память не подводила, место было тем самым, где пять лет назад похоронили родителей. Доходили до меня слухи, что на месте «бесхозных» могил «крутые» мира сего устраивают новые захоронения, но это делалось на центральной аллее, а не на отшибе...

Тут тоже лежал «крутой», и «братки» упокоили его монументально, со знанием дела. Мощная полированная плита навеки запечатывала его в подземном мире, а с гранитной

глыбы на плиту, хищно раскрывши клюв, взирал золочёный орёл. Будто сторожил, чтобы покойник не вылез. Эпитафия, выбитая на глыбе славянской вязью, гласила, что здесь покоится некто с ещё более аллегорической, чем монумент, фамилией Мамонт, и как жаль, что он не успел свершить всего, что было задумано. Надо понимать, из-за «задумок» его и придавили монументальной глыбой, да ещё и пернатого сторожа приставили. Чтоб, значит, не вздумал ожить и «продолжать». Уходят в прошлое времена доисторических монстров...

Но мне не было смешно от аллегорической картины. Было горько и больно. Настолько больно, что потемнело в глазах. И это при моей-то нечувствительности к физической боли...

И всё же червячок сомнения, нереальности происходящего, абсурдности, глодал душу. Что-то здесь не так. Я взял себя в руки и заставил перечитать эпитафию. И, наконец, увидел то, отчего мороз опять пробежал по коже. «Ушли» Мамонта из жизни в неполные тридцать пять лет, а «запечатала» в вечную мерзлоту камня семь лет назад. Семь лет назад! То есть за два года до гибели родителей.

Проблеск надежды, что меня подвела фотографическая память, угас через полчаса, когда я скрупулёзно обследовал все могилы в округе и вновь вернулся к монументальному надгробию Марку Мироновичу Мамонту. Могилы родителей нигде не оказалось, её место было только здесь. Но почему на её месте появилось столь помпезное захоронение,

да ещё с датой смерти покойника на два года раньше гибели родители? Быть может, у какого-то Мастодонта Мамонт при жизни в печёнках сидел, и теперь его захоронение перенесли с центральной аллеи с глаз долой?

Не было у меня ответов на эти вопросы, и тогда я направился в кладбищенскую контору, хотя в том, что там прольют лучик света на ситуацию, сильно сомневался. Сомнения ещё более усиливались от тонкого дурманящего запаха, преследовавшего меня на кладбище. Вначале я не мог понять, что меня настораживает в этом запахе, затем вспомнил – точно так пахло вчера от пассажира-налётчика. Но здешний запах не имел никакого отношения к парфюмерии – пахла весенняя фиалка, наверное, единственная из цветов, распускавшаяся на сланцевом безжизненном косогоре.

Как и предполагал, ответов на свои вопросы в конторе я не получил. Директором кладбища оказался молодой парень, мой ровесник, который работал всего второй год. К моей проблеме он отнёсся с пониманием, долго сочувственно кивал, но ничем помочь не мог – два года назад, как раз перед вступлением его в должность, в конторе случился пожар и архив сгорел. Мне сразу стало понятно, *зачем* сгорел архив, и я прекратил расспросы. Оставил директору данные родителей, свой телефон и пообещал сто долларов, если он вдруг обнаружит перезахоронение. Больше предлагать не рискнул, иначе где-нибудь на отшибе обязательно появится фальшивая могила.

Возвращаясь к машине по грунтовой дороге вдоль высоковольтной линии, я вдруг обнаружил, что по-прежнему сжимаю в руке розы. Класть цветы у помпезного надгробия Мамонта, затоптавшего память о самых близких мне людях, не хотелось, но и выбрасывать не годилось. Положу на какой-нибудь безымянной могиле...

От разливавшегося над кладбищем запаха весенней фиалки слегка кружилась голова, но его ассоциация с запахом дешёвой парфюмерии вчерашнего пассажира-налётчика навевала мысль о том, что заинтересовавшиеся мной люди имеют какое-то отношение к осквернению могилы родителей. Трезвым рассудком я понимал, что оснований для этого нет, но сердцу не прикажешь.

Проходя мимо оградки, где с час назад в цветнике высаживал рассаду седой мужчина, я замедлил шаг, и вдруг узнал его. Это был случайный знакомый, с которым мы рядом пили пиво за стойкой у липового сквера. Именно он поставил тогда неутешительный диагноз упавшему парню. Мужчина закончил работу, оделся и теперь готовил поминальный обед. Налил пластиковую стопку водки, прикрыл её печеньем и поставил на постамент рядом с лежащей там книгой.

Я подошёл ближе. С небольшой гранитной стелы на меня смотрела молодая и очень красивая женщина. «Татьяна Владимировна Бескровная», – прочитал я. По датам рождения и смерти ей было пятьдесят три года, и вряд ли она выглядела столь молодой. Но для мужа она всегда останется такой...

– Царство небесное, – сказал я.

Мужчина повернулся ко мне, посмотрел, но, похоже, не узнал. Налил стопку водки, протянул мне. Затем поднял свою.

– Земля пухом... – глухо проронил он и выпил.

Я последовал его примеру.

– Закусывайте, – предложил он, указывая на металлический столик.

На разложенных на столике машинописных листах стояла бутылка водки, баночка с маринованными огурчиками, высилась стопка бутербродов с колбасой и сыром. Я взял огурчик, откусил и протянул мужчине цветы.

– Положите ей...

Мужчина вздрогнул, недоумённо посмотрел на меня, но цветы взял и, нагнувшись, положил их на бортик цветника слева от стелы.

– Она гвоздики любила... – пробормотал он.

Справа от стелы лежали крупные алые гвоздики.

– Простите, мы знакомы? – спросил он распрямляясь. – В последнее время я стал очень рассеян, многих не узнаю...

Только теперь я понял его недоумение – видимо, поначалу принял меня за одного из опустившихся алкоголиков, повадившихся в последнее время на кладбище опохмеляться. Беспроигрышный вариант – выразишь соболезнование родственникам, тут тебе и чарочку поднесут. А вчера, видимо, несмотря на экстраординарность происшествия у пивно-

го ларька, он меня не запомнил. Бывает... Это у меня память фотографическая, а у большинства людей, в чём неоднократно убеждался, память коротка.

– Нет, не знакомы, – сказал я. – Пришёл родственников поведать, да могилы не нашёл.

Не стал я вдаваться в подробности и объяснять, что родственники – это родители. У человека своё горе.

– А в конторе были?

– Был. Архив сгорел, и никто помочь не может.

– Да-а... – сочувственно вздохнул седой мужчина и налил в стопки. – Земля пухом всем нашим родным и дорогим, ушедшим от нас.

Мы выпили, я взял бутерброд. Водка была низкого качества, колбаса дешёвой. Отвык я от такого, но отказываться на кладбище не принято.

Солнце пригревало, не было ни ветерка, навязчиво пахло фиалкой, вместо щебета птиц натужно, на одной ноте, трещали высоковольтные провода.

Взгляд скользнул по надгробной стеле, ухоженному цветнику с высаженной рассадой и невольно задержался на книге, лежащей на постаменте. На глянцевой обложке был изображён махаон, вверху стояла надпись: «Валентин Бескровный. Экспедиционные заметки экзонатуралиста».

– Вы – учёный? – спросил я, сообразив по фамилии, что передо мной автор.

Мужчина перехватил мой взгляд и криво усмехнулся.

– Уже давно нет. Писатель. Фантаст.

– Валентин...

– Валентин Сергеевич, – представился он, протягивая руку.

– Артём... Можно без отчества, молодой пока.

– Это временный недостаток, – вздохнул писатель. – Молодость быстро проходит. Как и жизнь.

Он перехватил мой недоумённый взгляд, брошенный на столик с бутербродами, и невесело хмыкнул.

– Удивляетесь, что так скромно? Перефразируя классика, слухи о писательских гонорарах сильно преувеличены. Я бы даже сказал – чересчур. Хотите стать нищим, подавайтесь в писатели.

Я скептически улыбнулся. В моём представлении писатели всегда были интеллектуальной элитой, и платить им должны соответственно.

– Это абсолютно серьёзно, – вновь понял меня Валентин Сергеевич. – Для того, чтобы хоть как-то сводить концы с концами, нужно писать два-три романа в год, причём неважно, какого качества. Хоть половину. Главное – чтобы твоя фамилия пестрела на книжных прилавках. Тогда ты зарабатываешь имя, тобой начинают интересоваться престижные литературные агентства, которые и выбивают из прижимистых издателей достойные гонорары. А если пишешь роман год или дольше, то, каким бы высокохудожественным он ни оказался, тебе на роду написано быть нищим. Одна надежда на

Нобелевскую премию...

Я оторопело глянул на него и увидел в прищуренных глазах смешинки.

– Шучу, конечно, – усмехнулся он и принялся разливать остатки водки. – Давайте третий раз, как положено.

– Царство небесное... – сказал я, выпивая.

Валентин Сергеевич промолчал. Стоял, смотрел скорбным взглядом на стелу, и губы его беззвучно шевелились. Будто молитву читал. Затем выпил и стряхнул капли водки из стопки на землю.

– До свиданья, Таня, – сказал он севшим голосом. – Я скоро приду...

И стал собирать объедки в полиэтиленовый пакет.

– Давайте, я вас подвезу, – предложил я.

– А вы на машине?

– Вон, видите, стоит на дороге.

Валентин Сергеевич прищурился, посмотрел на «жигули».

– Спасибо, не откажусь. А то до автобусной остановки почти километр пешком топать... – Он засуетился. – Подождите минутку, соберу мусор.

– Не торопитесь, я подгоню машину, – сказал я и направился к «жигулям».

Лис к моему долгому отсутствию отнёсся спокойно, но едва я сел за руль, как он повёл носом и неодобрительно фыркнул.

– Но-но! – прикрикнул я. – Мне только личной автоинспекции не хватало!

Однако стекло опустил, чтобы запах водочного перегара не настаивался в салоне. И тут я увидел, что возле помпезного надгробия Мамонту стоит какой-то парень, однако разглядеть его из-за слепящего блеска позолоченного орла не смог. Да и ни к чему мне это, удивляло другое, что к Мамонту кто-то приходит. Мне всегда казалось, что «крутых» мира сего только хоронят с помпой, но затем место последнего упокоения никто не посещает. Оказывается, и в криминальной среде у кое-кого имеются человеческие чувства.

Тень недоверия шевельнулась в душе, и я оглянулся на пса. Может, парень делает вид, что пришёл почтить память безвременно усопшего, а на самом деле он один из моих вчерашних «знакомцев» – хотел подсесть в машину, но его отпугнул Сэр Лис? Естественно, пёс на мой немой вопрос не ответил.

Валентин Сергеевич ждал меня на обочине с большой сумкой в руках, из которой торчал веник.

– Садитесь, – предложил я, открывая переднюю дверцу.

– Сумку на заднее сиденье... – заглядывая в салон, начал он и запнулся, увидев пса.

– Боюсь, не получится. Там, видите ли, хозяин сидит. Поставьте себе в ноги, места хватит. Сэр Лис, разрешите вам представить – писатель Валентин Сергеевич Бескровный.

– Моё почтение, – с поклоном сказал Валентин Сергеевич,

усаживаясь и втискивая сумку между колен. Игру он принял.

Пёс снова принюхался и снова фыркнул.

– М-да, действительно сэр, – согласился Валентин Сергеевич, оглядываясь на пса. – Табачный дым тоже не переносит?

– Не знаю, не курю.

– Тогда и я потерплю, а то ваш хозяин осерчает... Подбросьте меня до ближайшей автобусной остановки.

– Зачем? Я вас доставлю прямо к дому – не каждый день писателя вожу.

– Хоть какая-то выгода от творчества, – рассмеялся Валентин Сергеевич. – А вы, простите, кем работаете, если не секрет?

– Никем, – честно признался я. – Можно сказать, безработный.

Я тронул машину с места и непроизвольно посмотрел в зеркальце заднего вида. У помпезного надгробия господину Мамонту уже никого не было. Уйти парень никуда не мог – отсюда кладбище хорошо просматривалось, – видимо, присел на скамеечку, водку пьёт за помин души. Что-то я стал излишне подозрителен.

– Хорошо живут безработные, – без тени зависти заметил Валентин Сергеевич. – На машинах раскатывают...

– Есть много способов заработать деньги, не прилагая особого труда.

– Паре приёмов научите?

– У вас не получится, – покачал я головой. – Вы ведь – интеллектуальная элита.

– М-да... – раздумчиво протянул Валентин Сергеевич. – Сколько живу, всё более убеждаюсь, что эти понятия несоместимы.

– Какие?

– Интеллект и элита.

Я хмыкнул. Писатель попал в точку.

– Ну уж, в первом вам не откажешь... Вы где живёте?

– Лермонтова, сто двадцать.

– А подъезд?

– Третий. Этаж второй.

Я недоумённо глянул на него и увидел, что он с лукавым прищуром смотрит на меня.

– Если бы не шутил при такой жизни, – невесело улыбаясь, сказал он, – то давно повесился.

Глава седьмая

– Спасибо, – сказал Валентин Сергеевич, когда я подвёз его к подъезду.

Выставив сумку, он неуклюже выбрался из машины.

– Кофейку не желаете? – внезапно предложил он. – Давненько у меня гостей не было, хочется посидеть, поговорить...

Я его понимал. Тяжело вдовцу жить в опустевшей квартире.

– Я-то не против, но не знаю, как к этому отнесётся Сэр Лис. Вдвоём примете?

– М-да... – с сомнением протянул Валентин Сергеевич. – Это проблема, но не с моей стороны. Не уверен, что Пацану такой гость понравится.

– У вас маленький сын?

– Нет, – рассмеялся он. – Кот по кличке Пацан.

– Это действительно проблема, – согласился я и, повернувшись к псу, спросил: – Сэр Лис, как вы относитесь к кошачьим?

Кажется, пёс меня понял, и если бы собаки умели равнодушно пожимать плечами, то так бы и сделал. Но он лишь вздохнул.

– Значит так, – сказал я, – если увижу хотя бы намёк на недовольство, не говоря уже о том, чтобы голос подать, вы-

гоню к чёртовой матери, несмотря на родословную. Вам понятно, сэр?

В этот раз пёс одарил меня уничижительным взглядом, фыркнул и отвернулся. Мол, кому-кому, но не тебе нотации читать.

– Он у вас чистокровный? – заинтересовался Валентин Сергеевич. – И какой породы?

– А чёрт его знает. Но гонора на десятерых аристократов хватит. Так что, рискнём?

Валентин Сергеевич задумался на мгновение, затем махнул рукой.

– Была не была! Вы гарантируете, что он не загрызёт кота?

– Приложу максимум усилий, чтобы не допустить кошкоства, – заверил я, хотя в душе сомневался. И даже очень.

Мы поднялись на второй этаж, и Валентин Сергеевич с некоторой опаской открыл дверь. У порога нас встретил большой чёрный кот, единственными белыми отметинами у которого были клыки, сильно выступающие из пасти. Этакий небольшой саблезуб, и, исходя из смиренного поведения сэра Лиса, неизвестно, кто кого мог загрызть, несмотря на разницу в росте. К нашему обоюдному удивлению ни кот, ни пёс друг на друга не обратили внимания. Вот и верь после этого пословицам о неуживчивости кошек с собаками. Кот с мурлыканьем крутился у ног хозяина, а Сэр Лис вытер о половик лапы, вошёл и сел в прихожей. Как посмотрю, к чистоплотности его приучили основательно.

– Вот уж не ожидал, – покачал головой Валентин Сергеевич.

Я с улыбкой развёл руками, но с таким видом, будто имел самое непосредственное отношение к воспитанности пса.

– Проходите в кабинет, – предложил Валентин Сергеевич, – а я сейчас быстренько обслужу кота и кофе сделаю. Как и у вас, хозяин в квартире не я, а это чёрное создание.

Некогда добротной оформленная квартира писателя выглядела неухоженной. Старенькие, выцветшие обои, местами покоробленный линолеум красноречиво свидетельствовали о том, что ремонт давно не делали и, по всей видимости, в обозримом будущем не собирались. Стены в кабинете были увешаны книжными полками с мутными стёклами, у окна с давно некрашеными, кое-где облупившимися рамами стоял письменный стол со стареньким маломощным компьютером, в углу – журнальный столик и два кресла с донельзя подранной котом обивкой. Не могу сказать, что я такой уж чистюля, и у меня дома пыль встречается, но всё-таки разница между квартирами холостяка и вдовца существенная. Чувствовалось, что когда-то здесь хозяйничала женская рука, но не стало её, и всё начало приходить в запустение.

От нечего делать я прошёлся взглядом по книжным полкам. Фантастика, классика мировой литературы, справочники... На одной полке, заполненной на две трети, стояли книги Бескровного: полтора десятка авторских и десятка три сборников. Некоторые из них я читал и даже вспомнил от-

дельные повести. Не думал, что в нашем городке живёт писатель, да ещё столь плодовитый. Почему-то представлялось, что писатели такого уровня должны обязательно жить в столице.

Книжные полки висели в шахматном порядке, и в проёмах над ними стояла разная дребедень: пара подсвечников с оплывшими свечами, фотографии в рамках, статуэтки из дерева, дискеты в коробках... Моё внимание привлёк рисунок на небольшом пожелтевшем листке ватмана, тоже обрамлённый в лёгкую металлическую рамку. Рисунок был выполнен в одном тоне – фиолетовой шариковой ручкой, но сделан мастерски. Несомненно, работа талантливого художника. На рисунке была запечатлена пустыня на неизвестной планете, из барханов кое-где торчали наполовину засыпанные песком скалы, изъеденные эрозией. На переднем плане стоял вездеход, а чуть в стороне от него двое космонавтов в лёгких скафандрах разглядывали скалу. Все скалы были похожи на изваяния, и в том-то и заключалось мастерство художника, что рисунок не давал прямого ответа: прошлось ли по скалам долото ваятеля давно вымершей цивилизации или это очередная шутка природы в результате выветривания.

Я отошёл от картины, сел в кресло. Стуча по линолеуму когтями, вошёл пёс и сел рядом.

– Молодец, хорошо себя ведёшь, – похвалил я. – Придём домой, косточку дам.

Пёс скосил на меня глаза и фыркнул.

– Не заскучали?

В дверях появился Валентин Сергеевич с подносом. Он поставил на столик чайник, банку растворимого кофе, сахарницу, чашки.

– Извините, что кофе растворимый. Люблю натуральный, но... Его Таня готовила, и готовила так, как никто не умеет. С корицей... После её смерти никак не отважусь повторить, хотя рецептуру знаю – учила меня.

Он сел.

– Готовьте кофе по своему вкусу. К сожалению, к кофе ничего предложить не могу. Из съестного в доме только борщ и «Kitecat». Но «Kitecat», честно скажу, не дам. Есть на него потребитель.

Похоже, писатель бравировал, шуткой пытаясь прикрыть нищету.

– Это дело поправимое, – сказал я, вынул из кармана сотовый телефон и набрал номер. – Стол доставки? Пожалуйста, двух цыплят-гриль, горячих... – Я услышал недовольное ворчание пса и поправился: – Ах, сэр, простите, трёх... Кетчуп, зелень, лаваш, и бутылку коньяку... Лермонтова сто двадцать, семьдесят восьмая. Через двадцать минут? Хорошо.

– Право, зачем вы так... – смутился Валентин Сергеевич.

– Не часто с писателями кофе пить проходит, – улыбнулся я. – А точнее, впервые.

– Да уж, живут безработные... – повторился он. – Самому,

что ли, к ним податься?

– Ну, положим, безработный – это я утрировал. Скажем так: человек без определённого рода занятий. Наследство позволяет не работать.

Валентин Сергеевич уколол меня острым взглядом, но ничего не сказал. Уж и не знаю, что он обо мне подумал, но что за наследство я уточнять не стал. Со вчерашнего дня сам сомневался, что мои способности имеют отношение к прямой наследственности.

– Как посмотрю, у вас много написано, – сказал я, уходя от скользкой темы.

– Ошибаетесь, – вздохнул писатель. – Немного. Тут больше переизданий.

– Если переиздают, значит, нравится читателям.

– Не уверен, – поморщился он. – Сейчас такую половину издают и переиздают, что, поневоле, начинаешь сомневаться.

– Что вы, право, так себя унижаете, – сказал я.

– Упаси боже, если вы подумали, что я рисуюсь или кокетничаю, – вздохнул он. – Не скрою, раньше считал, что пишу «нетленку», и был о своём творчестве очень высокого мнения. Но после смерти Татьяны многое изменилось. Теперь я на всё, что написал, смотрю, так сказать, с горних вершин, хотя в бога не верю. Все мои потуги – это суета и шелуха с точки зрения Вечности.

– Зачем тогда пишете? – спросил я, прихлёбывая кофе. На удивление кофе оказался вкусным, ароматным, и я с любо-

пытством осмотрел банку. Наш, российский, а не хваленый «Nescafe». Понятное дело, пока за рубежом его приготовят, да к нам привезут, он успеваает выдохнуться, а наш – свежеприготовленный. Аромат в кофе – наиглавнейшее.

– Зачем пишу? Привык, к тому же это у меня лучше всего получается. А потом, работа писателя ничем не лучше и не хуже любой другой. Например, рядового бухгалтера. Он-то никогда не думает, что за свой труд будет увековечен, так почему же я должен надеяться на занесение своего имени в скрижали Истории? Одна лишь разница у нас с бухгалтером: его вознаграждение за труд называется зарплатой, а моё – гонораром. Хотя, в конечном счёте, и то, и другое – деньги.

Всё-таки писатель кокетничал: если работу бухгалтера оценивают только финансовые инспекторы, то творчество писателя – десятки тысяч людей. Но я не стал заострять на этом внимание.

– Не возражаете, если закурю? – спросил он. – Для заядлого курильщика кофе без сигареты – перевод продукта.

– Вы у себя дома, – развёл я руками.

– А Сэр Лис возражать не будет? Мой Пацан табачного дыма не переносит, как видит меня с чашкой кофе, тут же уходит в другую комнату. Видите, и не подумал сюда заглянуть.

– Тогда и Сэр Лис, если ему не понравится, может выйти.

Валентин Сергеевич достал пачку «Новости», вытащил сигарету с чёрным фильтром и закурил. Пёс сморщил нос,

отвернулся, но ни фыркать, ни демонстративно уходить не стал, будто понимал, что находится в гостях.

– Божественно! – пригубив кофе, объявил писатель.

– Вы только фантастику пишете?

– Сейчас – только.

– И вы верите во всё это?

– Во что – всё?

– В это.

Я указал на рисунок, стоявший на книжной полке.

– В это?! – несказанно удивился Валентин Сергеевич. –

А чему тут верить? Американцы уже давно по Луне ходили, так что это непреложный факт, не имеющий к вере никакого отношения.

– Я имел в виду летающие тарелочки, внеземные цивилизации и тому подобное.

– Ах, вот вы о чём... – грустно улыбнулся он. – Нет, не верю. То есть в то, что где-то в необозримом космосе существуют цивилизации разумных существ, я верю, но вот в контакт с ними... Вселенная настолько многообразна, что, несмотря на свою бесконечность, не терпит повторения биологических видов. А это первостепенное условие для контакта, поскольку интересы даже очень близких между собой биологических видов редко пересекаются. Второе немаловажное условие – одинаковая, а лучше всего близкая ступень развития. Ну о каком контакте может идти речь, скажем, между нами и питекантропами?

– Это почему же? – возразил я. – Во многих фантастических произведениях описаны контакты с доисторическими людьми.

Валентин Сергеевич рассмеялся.

– Вы глубоко заблуждаетесь. Описаны не контакты, а встречи. Контакт прежде всего подразумевает обмен взаимовыгодной информацией. Спрашивается, какую интересную для нашей цивилизации информацию мы можем получить от питекантропов? Да никакую. Нет, конечно, в некоторых произведениях авторы кое-что предлагают, например, из области парапсихологии, которой, якобы, наши пращуры владели гораздо лучше нас, но это настолько надумано, что не выдерживает никакой критики. Что же касается обратного потока информации, то есть от нас к питекантропам, то можно, конечно, насильственным образом внедрить в их среде современные технологии, и, вполне вероятно, питекантропы будут ими пользоваться. Однако в том, что они смогут понять, как устроен, скажем, телевизор, имеется большое сомнение. Обучить ездить на самокате можно и медведя, но понимание того, что такое колесо, и принцип его действия, медведь никогда не усвоит. Для этого нужно иметь достаточно развитый мозг, а мозг питекантропа биологически ещё не эволюционировал до того уровня, чтобы осмыслить многие чисто технологические процессы, не говоря уже об абстрактных понятиях. Возьмём, к примеру, такую абстрактную науку, как топологию. Сколько ни вдалбливай питекантропу по-

нятие о четвёртом пространственном измерении, для него это будет тёмный лес. Мы же можем представить себе развёртку четырёхмерного куба, однако, в свою очередь, представить этот куб в четырёхмерном пространстве не в состоянии. Вполне возможно, что с развитием цивилизации и эволюцией нашего мозга, мы сможем свободно оперировать не только четырёхмерным пространством, а и многомерным. Но! Вот здесь и возникает то самое «но!», потому что с точки зрения уже этой высокоразвитой цивилизации мы, теперешние, будем выглядеть питекантропами. И, исходя из всего этого, контакт между цивилизациями разных ступеней развития невозможен.

Да, лихо писатель завернул. Я уж и не знал, кем себя со своими способностями чувствовать: то ли питекантропом, «якобы владеющим парапсихологией», то ли существом более высокого порядка, чем обычные люди.

– Допустим, всё обстоит именно так, как вы говорите, – сказал я. – А разве невозможен контакт между представителями различных биологических видов, находящихся на одной ступени развития цивилизаций?

– Вот здесь вы и попались на антропоцентризме! – рассмеялся писатель. – Как я уже говорил, Природа не терпит однообразия, в частности, на Земле число известных биологических видов только животных и растений, не учитывая вирусов, бактерий, водорослей и прочих, около двух миллионов. А человек – единственный разумный вид из этих двух

миллионов.

– Причем здесь антропоцентризм? – возмутился я. – Считаю, любой из видов может стать разумным и создать свою цивилизацию.

– Именно свою! – саркастически хмыкнул Валентин Сергеевич. – А вы утверждаете, что это будет цивилизация одного уровня с человеческой. В этом и проявляется ваш антропоцентризм. Вы считаете, что все цивилизации развиваются по техногенному пути и их уровни развития сопоставимы. Но возможен биогенный путь, энергогенный, да чёрт его знает, какой ещё. Поэтому цивилизация другого биологического вида будет настолько отлична от нашей, что трудно представить точки пересечения интересов. Знаете известную дилемму: козлёнок хочет бодаться, а щенок – кусаться? Приблизительно так и с цивилизациями, только пропасть между ними гораздо большая. Возьмём, к примеру, таких общественных насекомых, как муравьи. В первом приближении можно считать муравейник своего рода цивилизацией. Способ передачи информации у нас речевой и письменный, а у муравьёв – тактильный (прикосновением), визуальный (дрожанием усиков-антенн) и одорантный (посредством запаха). Мы – двуполые, они, в основном, – бесполое; мы, каждый в отдельности, – личности, они, в силу своих функциональных особенностей, – скорее единый организм, чем сообщество. Мы замечаем муравьёв только тогда, когда они поселяются в доме, они нас – когда кто-то вздумает ворошить пал-

кой муравейник. Вот и все точки соприкосновения наших сообществ. Спрашивается, о каком контакте между людьми и муравьями может идти речь, если устройство наших цивилизаций столь разительно отличается?

– По-моему, вы утрируете, – попробовал возразить я. – В качестве примера вы выбрали сообщество неразумных насекомых и пытаетесь представить муравейник как цивилизацию.

Валентин Сергеевич рассмеялся.

– Это из каких же соображений вы лишаете муравьёв разума? Опять антропоцентрических – потому что с позиции человека вы не видите в поведении муравьёв разумности? Давайте проведём мысленный эксперимент – вы берёте палку и ворошите муравейник. Что будут делать муравьи? Муравьи-солдаты атакуют вас, стремясь укусами если не убить, то отогнать, муравьи-строители начнут восстанавливать муравейник, муравьи-санитары займутся погибшими особями... А теперь представим, что кто-то из высокоразвитой цивилизации возьмёт громадную палку и поворошит наш «муравейник», допустим, Москву. Что будут делать люди? Вооружённые силы атакуют неприятеля всеми возможными средствами, силы гражданской обороны начнут разбирать завалы, похоронные команды – хоронить погибших... Так кто из нас разумен, а кто нет? Или вот такой пример, вроде бы из иной области, но на самом деле той же, только рассмотренной под другим углом зрения. Человек подходит

к дереву и видит, что высоко на тонкой ветке висит груша. Как её достать? Очень просто – он берёт палку и пытается её сбить. А в это время в кустах по соседству сидит себе такой серенький, ушастенький кролик и оценивает действия человека. «Какое примитивное животное, – думает кролик. – Во-первых, груша незрелая, во-вторых, зачем тратить столько усилий, когда проще „приказать“ груше созреть и упасть прямо в лапы?»

Я не нашёлся, что ответить, но на моё счастье раздался звонок в дверь.

– Доставка продуктов прибыла, – сказал я, вставая.

– Вы цыплят-гриль заказали? – спросил Валентин Сергеевич.

– Да.

– Тогда готовьтесь к концерту... – вздохнул он.

Я недоумённо посмотрел на него, но, так и не получив разъяснения, пошёл встречать посыльного. И только расплатившись с ним и закрыв дверь, понял, что подразумевалось под концертом.

Из соседней комнаты, учуяв запах горячего гриля, с мявом выскочил кот и начал бросаться на объёмистый пакет.

– Во-от... – назидательно протянул Валентин Сергеевич. – Такой у меня Пацан. Его «kitecat» не корми, а дай погрызть костей цыплят-гриль. С таким хрустом поглощает, что всем собакам в округе завидно.

Я бросил взгляд на пса. Сэр Лис держался с достоинством

и осуждающе взирал на кота.

– Как бы драки не вышло... – пробормотал Валентин Сергеевич, встал с кресла, схватил кота за шиворот, зашвырнул в другую комнату и быстро захлопнул дверь. Тотчас с обратной стороны в дверь шмякнулось тело кота, и донёлся протяжный, требовательный вой.

Я выставил на стол продукты, а Валентин Степанович развернул фольгу на одном из цыплят и начал отделять мясо от костей.

– Накормлю побыстрее, – объяснил он, – а то, бедняга, совсем изведётся.

К грозному вою из-за дверей добавилось ожесточённое царапанье филёнки.

Валентин Сергеевич сложил кости на одноразовую тарелку и скрылся в соседней комнате. Вой как по мановению волшебной палочки прекратился, послышалось рычание и столь громкий хруст, что брала оторопь. Можно сказать, нецензурный хруст, отнюдь не приличествующий коту.

Я покосился на пса.

– Надеюсь, сэр, вы будете вести себя более культурно, – сказал я ему, затем развернул порцию цыплёнка и поставил на пол.

Пёс тяжело вздохнул и принялся аккуратно есть, неторопливо объедая мясо и оставляя кости.

– М-да, сэр, а вы, оказывается, очень старый пёс. Зубы сточились, и кости уже грызть не можете. Наверное, потому

и выгнали...

Неожиданно я подумал, что сегодня никто не интересовался мной из той самой таинственной организации, которая вчера занялась делом вплотную. К чему бы это? Затаились, перегруппируют силы после смерти веснушчатого парня?

В комнате вновь появился Валентин Сергеевич с двумя рюмками.

– А теперь, Артём, – сказал он, – давайте выпьем за знакомство.

Я распечатал бутылку коньяку, налил в рюмки, и мы выпили.

– Хороший напиток, – причмокнул губами писатель. – Давненько не потреблял.

– Неплохой коньячок, – согласился я, закусывая.

Некоторое время мы ели молча, затем я решил взять бразды правления разговором в свои руки.

– Валентин Сергеевич, я внимательно слушал вас... Любопытная ситуация получается. В летающие тарелочки вы не верите, в возможность контактов с иными цивилизациями тоже... В то же время пишете фантастику. О чём же вы пишете?

– Вот, – рассмеялся писатель. – Это хороший вопрос. О человеке. О его возможностях, в том числе и ещё неизвестных. О пытливости ума в неординарных ситуациях. К сожалению, в обычной литературе об этом ярко сказать нельзя. Разве что в детективной, но, право слово, сюжет в де-

тективах, несмотря на свою динамичность, практически всегда опирается на низменные пороки человека. Миром правят деньги, но двигает прогресс бескорыстное любопытство, и лучше, чем в фантастике, об этом не скажешь.

В это время в комнату стремительно вбежал кот, подскокил к тарелке пса, оттолкнул его и с жадностью набросился на цыплёнка, проявляя только что упомянутые «низменные пороки». Мы оцепенели, думая, что сейчас разгорится драка. Ничего подобного. Пёс отодвинулся, скептически посмотрел на кота и ушёл к окну, где сел с гордым и независимым видом.

– Вы уж нас извините, – разведя руками, нервно хохотнул Валентин Сергеевич, – такие мы беспардонные. Это собаку можно выдрессировать, а кота никак нельзя.

Сэр Лис пренебрежительно фыркнул.

Глава восьмая

За бутылкой коньяка мы просидели до позднего вечера. От спиртного Валентин Сергеевич размяк и пустился в разглагольствования о фантастике. Он сменил менторский тон на доверительный, и, хотя по-прежнему чувствовалось превосходство его эрудиции, разговор протекал на равных. Всю свою жизнь я умело избегал разговоров о гадалках и предсказаниях, но сейчас рискнул и, пользуясь тем, что писателя в первую очередь интересуют неординарные человеческие способности, направил беседу именно в это русло. Как и на всё прочее, и по этому вопросу у писателя было своё мнение. В предвидение будущего он не верил, считая, что время неподконтрольно, поэтому стопроцентное предсказание событий невозможно. Прошрое, по его мнению, незыблемо и неизменяемо, а будущее настолько многовариантно, что предсказывать какое-либо событие можно лишь с какой-то долей вероятности, основываясь на чисто логических предпосылках. Например, когда вырыт котлован, то не составит особого труда предсказать, что дом будет построен. Если при этом подрядчик, воруя, нарушает технологию, и в состав связующего раствора кладётся меньше цемента, то также легко предсказать, что дом со временем рухнет. Но предсказать, что дом рухнет точно через пять лет шесть месяцев и три дня в двенадцать часов пополудни, никому не под силу. При этом

скепсиса у писателя было сверх меры, любое экстраординарное событие он старался рассмотреть с реалистических позиций, что, порой, вызывало у меня лёгкое недоумение – фантаст, и так рассуждать... Прежде всего, все туманные предсказания, вроде «с востока на Европу нахлынут тёмные силы», он сразу отмёл как несостоятельные и некорректные, впрочем, и им дав объяснение. Во-первых, на Европу ни с запада, ни с севера, ни с юга ничего, кроме вод Мирового океана, «нахлынуть» не может в силу её географического положения, а во-вторых, под «тёмными силами» можно трактовать всё, что угодно: от орды монголо-татар, до эпидемии гонконгского гриппа. Когда же я спросил, как быть с удачливыми игроками, срывающими банк в рулетку раз, два и три подряд, то и тут он нашёл реалистическое объяснение, но перед этим, хитро покосившись на меня, рассказал анекдот.

«Приходит к попу мужик и жалуется, что не верит в чудо.

– Как же так, – удивляется батюшка, – и в слёзы Богоматери, выступающие на иконе, не веришь?

– Химия это, батюшка...

– Хорошо, – говорит батюшка, – приведу тебе пример из нашей повседневной жизни. Неделю назад звонарь Парамон напился, залез на колокольню и сорвался оттуда. Упал и, мало того, что жив остался, ни переломов, ни ушибов, ни царапинки на теле. Что это, как ни чудо?

– Случайность, батюшка.

– Пусть так. Но на следующий день он опять напился, взо-

брался на колокольню и упал с неё. И опять жив-здоров. Что это?

– Совпадение, батюшка.

– Хорошо, – серчает поп. – Однако намедни звонарь снова напился, взобрался на колокольню и снова сорвался. И опять целёхонек. Что это, по-твоему, как ни чудо?!

– Это уже тренировка...»

Мы посмеялись, а затем Валентин Сергеевич сделал вывод:

– Заметьте, Артём, тренировка, а не закономерность. Так и с вашими удачливыми игроками в рулетку. Крупье настолько привык к своей работе, что автоматически запускает рулетку с одной и той же скоростью и бросает шарик с выверенным до миллисекунд интервалом после запуска рулетки. И вот здесь начинает работать мозг игрока. Работать с такой скоростью и настолько эффективно, что не снилось и самым суперсовременным компьютерам. Имея в задаче две постоянные величины: скорость вращения рулетки, момент бросания шарика – и одну исходную: положение, с которого начинает вращаться рулетка, – мозг в подсознании мгновенно просчитывает траекторию шарика, вплоть до мельчайших подскоков, и выдаёт результат, который игрок принимает за озарение. Кстати, более трёх раз подряд игроки обычно не выигрывают, поскольку крупье после третьего выигрыша начинает нервничать и сбивается с ритма, к тому же владельцы казино знают об этой особенности мозга и часто после тре-

тьего выигрыша подряд одним и тем же игроком заменяют крупье.

Возможно, в этом случае Валентин Сергеевич был прав. Но как, скажите на милость, можно объяснить моё умение открывать кодовые замки, когда пальцы сами собой набирают нужную комбинацию, а я перед этим в глаза замка не видел? Чувствуют пальцы «заезженный» путь, а зрение подсознательно улавливает мельчайшие пылинки царапинки и тому подобные детали, характеризующие наиболее частое положение цифр? Хорошо, пусть так, но как тогда объяснить то, что, вставляя свою банковскую карточку в банкомат, я набираю любой четырёхзначный пин-код, и банкомат послушно снимает с неизвестного счёта деньги, а на моём счету деньги остаются нетронутыми? Каким-таким образом я получаю доступ к чужому счёту со своей карточки?

Конечно, этих вопросов я Валентину Сергеевичу не задавал. С чего бы это вдруг? Свою тайну я вряд ли кому-то открою даже в глубокой старости на смертном одре. Если доживу, поскольку о моих способностях кое-кому стало известно...

Во время всего разговора меня не покидало подспудное чувство тревоги – после вчерашних событий следовало ожидать продолжения, но ничего подобного не происходило. Никто не звонил по мобильному телефону, не стучал в дверь. Я, было, начал подозревать писателя в принадлежности к таинственной «конторе», заинтересовавшейся мной, но затем

отбросил это предположение. Чересчур откровенен был Валентин Сергеевич, к тому же до мозга костей материалистичен, и, пожалуй, эта странность, несовместимая с его родом деятельности, своей парадоксальностью убеждала меня, что ко вчерашним событиям он не имеет никакого отношения. Разве что косвенно, учитывая его присутствие при происшествии у пивного ларька.

Так мы и сидели до позднего вечера – я задавал вопросы и слушал, а писатель говорил. Говорил много, образно, по всему видно, соскучился по разговору на любимые темы. Кот, съев цыплёнка, разлёгся у тарелки на паласе и, вытянувшись в струнку, спал на боку с приоткрытой пастью, демонстрируя нам не только большие «саблезубые» клыки, но и все зубы. И нисколько его не волновало, что в комнате накурено. Сэр Лис тихонько сидел в углу, изредка тяжело вздыхал и, по моему, скучал. А что ему ещё было делать? Пёс в возрасте – резвости особой я за ним не замечал.

Когда закончился коньяк, Валентин Сергеевич хотел сходить за водкой – как я понял, заводной человек, под хороший разговор мог выпить и цистерну, – но я отказался, сославшись на то, что за рулём. На самом деле выпить в своём положении я был не прочь, но предчувствовал, какую водку возьмёт писатель, а предлагать купить коньяк за свой счёт не стал. Знал, обидится. Поэтому мы выпили ещё кофе и расстались затемно.

Ехать до дома было всего ничего, но я вёл машину сверхо-

сторожно. Не потому, что опасался гибэдэдэшников, боялся вчерашних знакомцев. Кто его знает, в каких структурах они окопались, вполне могли и в ГИБДД служить. Служит же Ремишевский заместителем директора филиала престижного банка... Но ничего необычного по пути не произошло.

В квартире меня тоже никто не ждал, а на автоответчике было только одно сообщение – снова звонил Славка и приглашал на партию преферанса. Отходчивый парень, не умел долго обижаться. От моих же вчерашних знакомцев не было ни слуху, ни духу. Оставили меня в покое, сгинули с глаз долой? Я прекрасно понимал, что это не так, но очень хотелось.

– Сэр Лис, – спросил я, – как вы считаете, принять мне предложение перекинуться в картишки?

Пёс уныло посмотрел на меня и вздохнул. Явно был против. Я тоже.

– Слушай, что ты всё вздыхаешь? На жизнь собачью жалуешься? Так вроде бы фортуна сегодня к тебе лицом повернулась.

Пёс фыркнул и пошёл оглядывать помещение.

– Ну вот. То вздыхаешь, то фыркаешь, иного от тебя не дождёшься. Голос хотя бы подал, твякнул для приличия, что ли?

Сэр Лис предложение проигнорировал. Тогда я, в свою очередь, тяжело вздохнул и принялся без дела слоняться по квартире. Включать компьютер не было желания, смотреть

телевизор тоже. Тогда я открыл бар, налил полстакана коньяку, выпил как снотворное и принялся расстилать постель. лягу-ка я спать пораньше, утро вечера мудренее...

– Можешь располагаться, где хочешь, – сказал псу. – Но в постель ко мне не лезь. Не люблю спать с мужиками.

Сэр Лис меня понял и взобрался в кресло.

Я выключил свет и лёг.

– Спокойной ночи, сэр, – сказал в темноту. – Надеюсь, вы не храпите...

Спать я, фактически, не спал. Или спал. Трудно определить, если снится, будто сплю я у себя дома и постоянно ворочаюсь с боку на бок. Тот ещё кошмар, врагу не пожелаю.

Под утро, когда за окном начало сереть, я услышал, как кто-то открыл холодильник и забулькала минеральная вода.

«Снится», – подумал я.

Затем этот кто-то вошёл в туалет и через некоторое время донёсся характерный звук сливного бачка. Дверь в туалет закрылась, щёлкнул выключатель, и неизвестный легко, почти неслышно ступая, направился в комнату. Ко мне.

«Что, значит, снится?!» – запоздало среагировал я и открыл глаза.

В комнату неспешным шагом вошёл Сэр Лис.

– Ты?! – прохрипел я сильным спросонья голосом.

Пёс сел на палас, посмотрел на меня и тяжело вздохнул.

– Я, – сказал он.

Я рывком сел на постели, замотал головой. Нет, не сон и

не галлюцинация. А жаль...

– Ты умеешь говорить?!

– У тебя плохо со слухом? – поинтересовался пёс хорошо поставленным баритоном. – Пойди, умойся и уши почисти.

Как сомнамбула, я послушно направился в ванную комнату. В голове наблюдалась полная сумятица. Ничего не сообщал, двигался и действовал чисто рефлекторно. Ополоснул лицо, выдавил на зубную щётку пасту, сунул в рот... И здесь меня прорвало.

Щётка полетела в сторону, я с треском распахнул двери и проорал:

– Да кто ты такой?!!

Пёс выглянул из комнаты в коридор, склонил голову набок и посмотрел на меня осуждающим взглядом.

– Остынь, – спокойно предложил он. – И умойся. Весь в зубной пасте.

Бешенство схлынуло так же стремительно, как накатило. Я аккуратно прикрыл двери и забрался под душ. Минут пять стоял под холодными струями, пока зубы не начали выбивать дробь. Затем выключил воду, до красноты растёрся полотенцем и вышел.

Игнорируя присутствие говорящего пса, оделся, прошёл на кухню, открыл холодильник.

– Мне, пожалуйста, яичницу с беконом и луком, – сказал пёс.

– А шампанского не надо? – окрылся я.

– Не надо, – ровным тоном ответил он. – Алкоголь не употребляю и не курю. А поесть люблю, причём человеческую пищу, а не собачью.

Я оцепенел и уставился на пса во все глаза. По виду вроде бы обычная псина, только вот языка, высунутого из пасти, я никогда не видел. Говорящего пса мой рассудок уже переварил и принял, но то, что я сейчас услышал, выходило за рамки реальности.

– Так ты что... Инопланетянин?

Пёс воззрился на меня снизу вверх, как на недоумка.

– Да что же это такое делается? – сказал он. – Ваша раса просто-таки зацементирована антропоцентризмом, как арматура в железобетоне. Если существо не похоже на человека, но говорит и мыслит, значит, обязательно инопланетянин. Во Вселенной, кроме иных планет, есть ещё много разных мест... Хотя, не скрою, мне здесь нравится.

Ноги у меня подкосились, и я сел на табуретку. Хорошо, не промахнулся.

– Но всё-таки ино... – пробормотал я.

– Это как посмотреть, – сказал он, пододвигая передними лапами плетёное кресло к столу и усаживаясь. – Если насчёт души, то – пожалуй, а что касается оболочки... Тут возможно двойное толкование.

Волосы на голове у меня зашевелились. Пёс, развалясь, сидел в кресле, закинув «ногу» на «ногу», а передние лапы водрузив на подлокотники. Лапы неожиданно оказались ши-

роками, с длинными, почти человеческими пальцами, легко охватившими подлокотники.

– Это как понимать? – спросил я, леденяя. – Душа, оболочка... Из преисподней, что ли? Или из райских кущей?

Я всё-таки не из средневековья, и поверить в то, что передо мной сидит исчадие ада, не мог. Даже будь он чёрным, с рожками, копытцами, хвостом с кисточкой...

– Тьфу на тебя! – в сердцах фыркнул пёс. – Прав был вчера писатель – закалились вы тут до невозможности. Уж лучше инопланетянином считай, если тебе так легче... Между прочим, я есть хочу. А ты?

Я встал, подошёл к окну, выглянул. Над городом разгорался неприлично розовый, как на детских рисунках, рассвет. Не было ни ветерка, стоял полный штиль, и дома подёргивала лёгкая пелена розоватого в рассветных лучах тумана. От этого казалось, что на мне розовые очки, но не радовал меня мир в розовом цвете.

– Так как насчёт завтрака? – повторился пёс. – Мне глазунью, а не болтушку.

Тяжело вздохнув, я направился к плите.

Вот уж где пёс проявил свои аристократические замашки, так это за столом, мастерски орудуя ножом и вилкой, хотя постоянно и сетовал, что тело ему предоставили неуклюжее, неприспособленное к нормальному потреблению пищи. Не очень удобно ему, понимаешь, ходить на четырёх лапах, а потом проявлять за столом искусство трапезы. Питаться же

с пола, без столовых приборов, ему, видите ли, унижительно. Но я уже ничему не удивлялся. Устала моя «удивлялка».

– Как мне вас называть? – спросил я.

– А так и называй – сэр, – пробурчал он, степенно пережёвывая. – Можно без Лиса. Не нравятся мне намёки на то, что я рыжий.

Зубы у него были мелкие, плоские, и стало понятно, почему вчера он не грыз костей. Мутант какой-то, а не пёс, хотя, скорее всего, к отряду собачьих он не имел никакого отношения, кроме внешней похожести.

– Кофе? – предложил я, входя в роль гостеприимного хозяина. Со стороны посмотреть – дурдом, да и только. Похлеще дурдома...

– С кофеином? – настороженно поинтересовался сэр пёс.

– Суррогаты не держу.

– А я не потребляю наркотики, – назидательно изрёк он. –

Ни в каком виде.

– Тогда минеральная вода или апельсиновый сок?

– Сок.

Я смотрел, как не божье создание, развалясь в плетёном кресле, степенно «потребляет» апельсиновый сок, и меня всё больше охватывала тоска. Вселенская тоска. По сравнению с позавчерашними событиями, то, что происходило сегодня, было диким кошмаром. Позавчера меня преследовали люди, пусть и с паранормальными способностями, но люди. А сегодня...

И тут меня впервые осенило, и от этой мысли холодок пробежал по спине. А люди ли контактировали со мной позавчера?!

– Сбегу я из города к чёртовой матери... – непроизвольно вырвалось у меня.

– Хэ-хэ... – оскалился пёс мелкими зубами. – Попробуй. Разрешаю.

Глава девятая

И я попробовал. Рванул из-за стола и из квартиры с такой скоростью, будто не я сбегал к чёртовой матери, а наоборот – за мной черти гнались. Всё-таки не выдержали нервы, отнюдь они у меня не стальные.

Дверь хлопнула так, что посыпалась штукатурка, и я, перепрыгивая через пять ступенек, помчался подальше от трансцендентного пса. На лестнице чуть не сшиб соседку с третьего этажа, поднимавшуюся вверх, но, скользнув по перилам, благополучно миновал её. Что она обо мне подумала, меня в данный момент не интересовало. Меня вообще ничего не интересовало, весь свет застилало страстное желание покинуть Холмовск раз и навсегда.

Несмотря на дымку тумана, я гнал машину, как сумасшедший, не обращая внимания на светофоры – благо в столь ранний час, ни прохожих, ни автомобилей на улицах не было. Странно при этом, что на выезде из города стояла патрульная машина и бравый гибэдэдэшник, ещё издали услышав рёв отечественного мотора, замахал жезлом. По всей видимости, стражи дорожного движения решили подстраховаться на случай тумана.

Чёрта с два я остановился. Не снижая скорости, только вильнув, чтобы не зацепить не в меру ретивого гибэдэдэшника, вышедшего на середину шоссе, помчался мимо, гля-

нул в зеркальце заднего вида и отметил ещё одну странность. Никто за мной, включив сирену патрульной машины, гнаться не собирался. Гибэдэдэшник стоял на шоссе, широко расставив ноги, и смотрел вслед. Кажется, при этом он улыбался, но с такого расстояния разобрать выражение лица было трудно. В честь чего ему улыбаться? Неужели впереди ещё один пост? Но пока передо мной стлалось пустынное шоссе, подёрнутое розоватым туманом, и ни встречных, ни попутных машин не наблюдалось.

Встреча с патрульным немного отрезвила меня, и я с сожалением подумал, что выбежал из квартиры в чём был. Без документов, без денег... Точнее, в карманах было около четырёх тысяч рублей, но этого хватит разве что на бензин. Конечно, при моих способностях ничего не стоит раздобыть деньги – с банковской карточкой я не расставался, – но пользоваться ею рискованно. Скорее всего, через банкоматы меня и вычислили.

Солнце уже поднялось из-за горизонта, но розоватый оттенок тумана не исчез. Странно, в общем-то. Я бросил взгляд на солнце. В пелене тумана оно казалось неестественно оранжевым и словно искрилось по краю диска, как бенгальский огонь. Каких только чудес ни проявляется в земной атмосфере – от миражей в пустыне до гало. Или таких вот...

Въехав на холм, я увидел ещё более странную картину. В долине, по которой поперёк дороги змеилась пересыхающая летом мелководная речушка без названия – один из много-

численных притоков Лузьмы, – стояла плотная стена розового тумана. Противореча всем законам туманообразования, он стоял не по руслу речки, а метрах в ста за ней идеально изогнутой, как натянутый лук, стеной, и противоположные концы тумана терялись между холмами. От этого прямая дорога казалась стрелой, мост через речушку – наконечником, и подсознательно хотелось надавить на педаль газа, будто меня подталкивала натянутая невидимая тетива.

Как ни велик был соблазн, но, подъезжая к мосту, я притормозил – не хотелось, въехав в туман, столкнуться на полной скорости со встречной машиной. К тому же у самой кромки тумана на проезжей части дороги стоял чёрный джип «Чироки» с открытыми дверцами. Ох, уж эти «новые русские», нет, чтобы съехать на обочину, а потом пойти по нужде, обязательно нужно оставить машину на дороге...

Миновав мост, я снизил скорость чуть не до минимума и включил фары – туман был настолько плотным, что казался непроницаемым.

Обходя джип слева, по встречной полосе, я мельком глянул на машину, и сердце у меня ёкнуло. В салоне никого не было, но не по нужде вышли пассажиры – капот мощной машины был смят, словно она столкнулась с бульдозером, лобовое стекло разбито, по асфальту растекались лужи машинного масла, бензина и крови.

И в тот самый момент, когда я поравнялся с джипом, мои «жигули» врезались во что-то в тумане. Несмотря на малую

скорость, удар оказался настолько жёстким, как если бы машина ткнулась в бетонную стену. Меня бросило на руль, со звоном посыпались разбитые стёкла фар и подфарников.

С минуту я приходил в себя, ожидая увидеть сквозь лобовое стекло перекошенное лицо водителя встречного автомобиля, но всё поле зрения заслоняли плотные клубы розового тумана. Наконец я открыл дверцу, выбрался на асфальт и нетвёрдыми шагами подошёл к капоту.

Любого автолюбителя вид расквашенного капота приводит в уныние, но то, что увидел я, повергло в шок. Разбитые фары и помятый бампер были ничто, по сравнению с тем, что предстало перед глазами. Туман оказался монолитной бугристой стеной, в недрах которой клубился розово-молочный дым. Я попытался потрогать её поверхность, но ничего не получилось. Не смог прикоснуться, поскольку стена отталкивала руку, и как я ни пытался, ближе, чем на сантиметр, пальцы не продвигались. Будто были намагничены, а стена имела тот же полюс, что и моё тело. От этого казалось, что стена невероятно скользкая, как подтаявший лёд, но в то же время не холодная.

Я ошарашено огляделся, затем задрал голову, оценивая размеры сооружения. Нет, это была не стена, это была циклопическая полусфера, накрывшая город Холмовск вместе с окрестностями. Теперь понятно, почему трансцендентный Сэр Лис с циничным сарказмом предложил мне попробовать сбежать из города...

Вид полусферы поражал. Внизу она была туманно-розовой, но чем выше, тем прозрачней, причём настолько, что лишь искрение вокруг диска поднявшегося солнца свидетельствовало, что она сплошная.

Всё это выглядело настолько несуразно, что не укладывалось в сознании. Одно дело читать в фантастическом романе о вторжении инопланетян, другое – наяву оказаться под гигантским колпаком у пришельцев. Очень многие события последних дней сразу нашли объяснение – даже вчерашний разговор с писателем-фантастом. Но как раз в инопланетное происхождение писателя верилось с трудом. Слишком много совпадений – создавалось впечатление, что его «подставили», как в плохом детективе, предъявив мне чересчур явные улики. Ремишевский, попутчик-налётчик в машине, наконец, Сэр Лис вели себя совсем иначе...

Обойдя «жигули», я подошёл к джипу. Разбилась машина основательно: покорёженный капот и осыпавшиеся стёкла красноречиво говорили, что «Чироки» врезался в туманную сферу на полной скорости. Лихой был водитель... Перевёрнутые сиденья, какие-то бумаги, и много, очень много сто долларовых купюр, рассыпавшихся из раскрывшегося кейса, были густо пересыпаны стеклянным крошечком и залиты свежей кровью. Всё свидетельствовало о том, что авария произошла не более получаса назад, но куда подевались люди? Ни трупов, ни живых, в салоне и поблизости не было. Кто их успел эвакуировать и когда? Даже если их увозили

сразу после крушения на вертолёте, я бы заметил...

Тут я вспомнил вчерашний разговор с писателем и отчаянно замотал головой, поймав себя на антропоцентризме. Какой-то такой вертолёт, когда на расстоянии протянутой руки от меня высилось сооружение, выходящее за рамки человеческого понимания? Кажется, пришла пора менять устоявшееся мировоззрение и мыслить несколько иными категориями. И хотя я обладал некоторыми паранормальными способностями, чувствовал, что изменение мировоззрения будет проходить не менее трудно, чем у обыкновенного человека.

Я ещё раз оглядел салон джипа и снова поразился бесхозной грудой валюты. Почему её не забрали? Неужели купюры фальшивые? Подняв одну, посмотрел на просвет, потёр пальцами. Банкнота была настоящей. И тогда в голову пришла дикая мысль, что здесь, под куполом, доллары могут оказаться никому не нужными бумажками, разве что детям в качестве фантиков для игр. Мысль была глупой и наивной до абсурда – скорее всего, мозг, испытав лёгкое сотрясение во время удара «жигулей» о циклопическую стену чужеродного купола, самопроизвольно начал менять «антропоцентрическое мировоззрение» не в ту сторону, – но, тем не менее, я разжал пальцы, и купюра мягко спланировала в салон на грудку битого стекла, бумаг и заокеанских денег.

Из Холмовска мне не сбежать, и понимание полной безысходности создавшегося положения сдавило сердце. Ничего

другого, как возвращаться, не оставалось. Здесь мне делать нечего...

Мотор завёлся сразу, но с неприятным тарахтением, однако машина послушно развернулась и, дребезжа приоткрытым капотом, поехала назад, в город. Что случилось с мотором, я смотреть не стал – не принадлежу к распространённому типу российских автолюбителей, которые родную машину знают лучше, чем свою жену. К средству передвижения я отношусь на американский лад: едет – и ладно, не едет – вызывай техническую помощь.

На сей раз я не гнал, будто угорелый, а возвращался черепашей скоростью – около сорока километров в час. Спешить было некуда, к тому же руль не очень хорошо слушался, и я боялся, чтобы не занесло в кювет.

Встречных машин не было, что вызывало крайнее удивление – неужели в городе уже знают о «колпаке» и милицкий пост на выезде стоял вовсе не по причине тумана? Вполне возможно – хотя дымка уже исчезла, но мир по-прежнему предстал перед глазами в розовом свете. К сожалению, в прямом смысле, а не в переносном.

На въезде в город меня остановил всё тот же гибэдэдэшник, предостерегающе погрозив жезлом. Я и не сопротивлялся – куда денешься? Остановился у обочины и мысленно прикинул, хватит ли денег для штрафа, чтобы не разводиться лишнюю канитель. Гибэдэдэшники злятся, когда с ветерком проносишься мимо них, и дерут потом с нарушите-

лей не просто втридорога, а три шкуры спускают. Поневоле пожалел, что не прихватил из разбитого «Чироки» сколько-нибудь долларов, – гораздо проще бы всё сейчас получилось.

Постовой, оказавшийся очень молодым парнем, чуть ли не юнцом со школьной скамьи, похоже, ещё ни разу не брившимся, неторопливо обошёл вокруг «жигулей», с саркастической улыбкой осматривая повреждения. Определённо, час назад знал, что меня ждёт на дороге, потому улыбался вслед и не думал преследовать. Тот ещё ханыга – молодой, да из ранних.

– Ефрейтор Соликов, – козырнув, представился он, наклонясь к открытому окошку. – Как посмотрю, хорошо прокатились. Весело было?

Радостная для него, гадостная для меня улыбка не покидала лица постового. Отнюдь не напрасно бытует поговорка, что лучше иметь дочь проститутку, чем сына ефрейтора...

Я достал из бардачка документы, сунул в них шесть пятисотенных и протянул ефрейтору.

Он отрицательно покачал головой, и без того лучезарная улыбка стала ещё шире.

– Всё, что есть, – буркнул я, прекрасно понимая, что этим не отделаюсь. Придётся оставить машину и топать домой за деньгами.

– Что вы, право, гражданин Новиков, – сказал он. – К чему это? – Улыбка исчезла с его лица, а в глазах появилось ка-

кое-то непонятное выражение. Нет, не брезгливость, а нечто похожее на сожаление. Будто он жалел меня неизвестно за что. – Поезжайте в автосервис, сдайте машину в ремонт. Но учтите, ещё раз нарушите правила, и мы лишим вас прав вождения.

Он снова козырнул, развернулся и направился к своей машине.

А я будто врос в сиденье, оторопело уставившись ему в спину. Где это видано, чтобы ГИБДД денег не брала?! Вот-те и молодой да из ранних... А потом, откуда он знает мою фамилию, если документы не открывал?!

Слабый ветерок дохнул в окно, и я обмер, поняв, откуда ему известна моя фамилия. Ошибся я в патрульном, приняв его за никогда не брившегося юнца. Брился он и одеколоном пользовался. Дешёвым одеколоном, с запахом весенней фиалки. Запахом, который со вчерашнего дня прочно ассоциировался в моём сознании с кладбищем...

В автосервисе я первым делом разыскал Толика Вахрушева, прекрасного механика, пару раз приводившего мои «жигули» в порядок. Что поделаешь, но отечественные автомобили требуют к себе гораздо больше внимания при обслуживании, чем иномарки. Если уж завёл отечественный автомобиль, то будь готов стать его рабом, либо ищи для него личного механика. Причём будь готов и к тому, что время и деньги, затраченные на ремонт и техническое обслуживание, превысят стоимость иномарки. Почти как с женщиной

– если не желаешь удовлетворить её капризы и прихоти, значит, готовься содержать её любовника.

Вахрушев был асом своего дела, уже по звуку работающего двигателя он определял неполадки: что нужно подрегулировать, что – заменить, а после ремонта честно ставил в известность, какой узел сколько проработает. И всегда оказывался прав. Но и брал за ремонт недёшево.

Толика я нашёл в гараже, блиставшем до того никогда не виданной чистотой и опрятностью. К моему удивлению, Толик предстал предо мной не в замасленной донельзя спецовке и перепачканный автолом до макушки, а чистенький, свеженький, в белоснежном, выглаженном халате, будто здесь была не автомастерская, а платная поликлиника высшего разряда.

– Привет, – поздоровался я, с нескрываемым недоумением оглядывая механика сверху донизу. Всегда всклокоченные волосы были расчёсаны на безукоризненный пробор, очки в лёгкой золочёной оправе, ранее тусклые от пятен автола, блистали сиреневыми бликами просветлённой оптики. – Никак на повышение пошёл, руководишь, руками не работаешь?

– Привет. – Толик протянул ладонь и снова поразил меня чуть ли не холёной чистотой руки без привычной траурной каймы под ногтями. – Нет, работаю по-прежнему механиком, просто стиль работы изменился.

– М-да... – недоверчиво покрутил я головой, ещё раз при-

дирчиво оглядывая фигуру Толика. – Почти как в анекдоте...

– Каком ещё анекдоте?

– О стиле работы.

– Ну-ну?

Толик заинтриговано глянул на меня, привычным движением поправив очки. Именно из-за этого движения его очки постоянно были в автоле. Но не сейчас.

– Звонок в дверь, – начал я рассказывать анекдот. – Хозяйка открывает и видит, что на пороге стоит этакий денди, во фраке, белоснежной манишке, с бабочкой. В руках кейс, как у дипломата. В общем, «весь из себя» молодой человек. Картинка из журнала мод. «Сантехника вызывали?» – спрашивает он. «Да...» – лепечет хозяйка в полном недоумении. «Что у вас случилось?» – «Унитаз сломался...» – «Показывайте». Хозяйка ведёт его в санузел. Молодой человек раскрывает кейс, а в нём инструменты, блистающие хромом и никелем, и каждый в отдельной секции. В общем, такими стерильными инструментами разве что хирургу в операционной пользоваться, а не сантехнику. Берёт он никелированный разводной ключ, откручивает унитаз, снимает и начинает и так, и этак, чуть ли не на просвет, рассматривать. Затем поправляет белоснежную манжету на рукаве и засовывает руку по локоть в унитаз. С минуту копается внутри, вынимает руку, смотрит на ладонь, нюхает и оскорблённо восклицает: «Да вы что, гадили в него, что ли?!»

Мы посмеялись, но, несмотря на столь очевидный намёк, Толик раскрывать тайну своего перевоплощения не стал.

– Так что у тебя на этот раз? – спросил он. – Опять аккумулятор подсел? Вроде рановато...

За просветлённой оптикой очков в его глазах играли ехидные искорки. Отомстил он за анекдот, намекая на мою полную беспомощность в обслуживании автомобиля. В прошлый раз я к нему обращался именно из-за аккумулятора, не понимая, почему мотор плохо тянет.

– Хуже... – покачал я головой, согнал с лица улыбку и соорудил горестную гримасу. Пришла пора играть роль убитого горем автолюбителя, который без машины не видит смысла жизни и не постоит за ценой, лишь бы ремонт был проведен как можно быстрее.

– Давай посмотрим, – понимающе кивнул Толик.

Мы вышли из гаража и подошли к «жигулям».

– У-тю-тю! – присвистнул Толик, обходя машину со всех сторон. – Тут за пять минут не управишься...

– Понятное дело, – поддакнул я и сунул ему в карман халата сложенные пополам купюры. Три тысячи, которые не взял гибэдэдэшник.

Толик как-то странно глянул на карман, но проверять сумму не стал. Понимал, что это даже не задаток, а так, наживка, чтобы склонить его к первоочерёдности ремонта «жигулей». Основную сумму он сдерёт по окончании работ. Помимо официальной, по квитанции, естественно.

– Заходи завтра после обеда, – сказал он. – Устраивает?

У меня перехватило дыхание. На сервис по высшему разряду и надеяться не мог. Мне казалось, что на ремонт уйдёт не меньше недели.

– Ну, спасибо! Ну, уважил! – искренне восхитился я.

– Да чего уж там... – неожиданно сконфузился Толик, чего я раньше за ним никогда не замечал, и махнул рукой. – На это время могу дать стопоход. Берёшь?

– Что? – не понял я.

– Ах, да... – спохватился Толик и бросил на меня быстрый взгляд. В его глазах промелькнуло то же выражение, что и у «гибэдэдэшника», стоявшего на посту за околицей города. Будто оба жалели меня за то, чего мне понять не дано.

– Это я так... – поморщился он, глядя в сторону. – В общем, завтра после обеда. Пока.

Он протянул мне руку.

– Пока...

Отойдя от автосервиса, я оглянулся. Толик подошёл к дверям гаража, вынул что-то из кармана, мельком глянул и выбросил в урну. Я споткнулся на ровном месте и остолбенел. Различить отсюда, что выбросил в урну механик, было невозможно, но жуткая, по своей сути, догадка обожгла сознание. Подождав, пока Толик не скроется за дверью гаража, я, воровато оглядываясь по сторонам, приблизился к урне и заглянул. На дне урны сиротливо покоились сложенные пополам пятисотки. Толик даже не удосужился их пересчитать.

Глава десятая

Возвращаясь домой пешком, я затравленно рыскал взглядом по сторонам, пытаюсь понять, что изменилось в городе. Эксперименты, наподобие тех, как поворошить палкой муравейник, или накрыть жука на столе стаканом, проводятся умозрительно. Слишком они просты, чтобы проверять на практике. Поэтому не стоило тешить себя надеждой, что, накрыв Холмовск куполом, пришельцы этим и ограничатся. Сделали они что-то ещё, причём кардинально, но этого «чего-то» я не замечал. Или не понимал – о чём красноречиво свидетельствовала жалость ко мне в глазах гибэдэдэшника и механика автосервиса Толика Вахрушева.

Вокруг вроде бы ничего не изменилось – те же дома, те же люди... Кроме розового света, льющегося с небес. От этого света мир вокруг казался радужным и весёлым, вопреки стойкой мрачной предубеждённости. Машин на улицах было мало, но Холмовск никогда не отличался насыщенностью автотранспортом – не столица, заштатный городок.

Вглядываясь в прохожих, я вдруг обнаружил, что с их лиц исчезла озабоченность, они стали одухотворённее, что ли... Никто никуда не спешил, все шли спокойно, не суетясь, с каким-то внутренним достоинством и в то же время душевной открытостью. Казалось, заговори с любимым, и он тут же остановится и ответит тебе радушием. Но я прекрасно по-

нимал, что в данном случае сказывается известный даже ребёнку эффект розовых очков, помимо воли настраивающий психику на благодушный лад. А потом – давно ли я смотрел на встречных, обращал внимание на выражение их лиц? Честно говоря, до сегодняшнего дня мне было наплевать, кто чем озабочен или чему радуется. Жил в своё удовольствие исключительно ради себя. Как и подавляющее большинство в этом мире.

И всё же в городе что-то изменилось, но что именно я уловить не мог. То ли было не дано, то ли сознание ещё не справилось с потрясениями сегодняшнего утра. Как бы в подтверждение моего неадекватного состояния, мне постоянно мерещился запах весенней фиалки. Даже в гараже автосервиса, где атмосфера была пропитана запахами бензина и машинного масла, напрочь отбивающими тонкие ароматы. Как понимаю, навязчивый запах не имел никакого отношения к обонянию, скорее, к подсознанию. Что-то вроде идеи фикс на обонятельном уровне.

Дойдя до своего дома, я в нерешительности остановился. Идти в квартиру и слушать сентенции говорящего пса с сознанием пришельца и наполовину (как он сам охарактеризовал) земным телом не хотелось. С души воротило.

Покопавшись в карманах, я наскрёб около трёхсот рублей. На пиво хватит. Чисто русская привычка: если на душе тошно – напейся. Пить водку с души воротило, а вот пиво – в самый раз. Мягкий напиток, хорошо снимает стресс. К тому

же «хождение в народ» могло дать пищу для ума. Постою за стойкой, послушаю чужие разговоры, авось кто-либо из работяг поболее моего знает. Авось, это ведь тоже чисто понашенски...

Но «хождение в народ» не получилось. Обойдя липовый сквер, я увидел, что пивной ларёк закрыт, а двое рабочих в оранжевых фирменных комбинезонах срезают автогеном металлический стол. Вот тебе и перемены в городе, но к пришельцам, понятное дело, они никакого отношения не имели. Не понравилось кому-то, что на бойком месте торгуют дешёвым пивом, и решили ларёк закрыть. Причём, не дожидаясь, когда демонтируют металлический стол, поставили рядом пластиковые столики с зонтиками и торговали тем же пивом, но, естественно, уже по завышенным ценам.

Унылым взглядом я окинул контингент посетителей нового кафе на тротуаре. Разочарование полное. Вполне приличные интеллигентные люди – кто пил пиво, кто ел мороженое. В такой среде стресс не снимешь... Уж лучше взять в гастрономе бутылку водки, разыскать в сквере бомжей, часто ночующих здесь, и напиться с ними, чем чинно глотать пиво среди новых интеллигентов, озабоченных исключительно курсом акций.

Я уже развернулся, чтобы идти в гастроном, но тут меня окликнули.

– Артём! Идите сюда!

Оглянувшись, я узнал писателя-фантаста. Он сидел за

крайним столиком и был единственным в кафе, перед кем на столе стояли четыре кружки пива. И единственным, кто курил, в противовес всем присутствующим в кафе, показывая, как количеством пива, так и сигаретами, что ведёт активный нездоровый образ жизни. С таким человеком пиво пить можно. Настоящую интеллигенцию издалека видно.

– Добрый день, Валентин Сергеевич, – поздоровался я, подходя.

– Не уверен... – вздохнул писатель и поморщился. – Присаживайтесь, угощайтесь.

Он был рад встрече, но в то же время в глазах читалась некая настороженность.

Я сел в пластиковое кресло и потянулся к кружке пива.

– Как жизнь? – поинтересовался Валентин Сергеевич, пытливо вглядываясь в моё лицо. Ему явно что-то было нужно от меня, но я не стал ломать над этим голову. Хотелось пива.

– А... – отмахнулся рукой. – Что жизнь? Проходит...

Залпом опорожнил кружку, выдохнул, замотал головой.

– Что так? – вновь спросил он, не сводя с меня пристального взгляда.

– Не помогает... – пожаловался я.

– Берите вторую.

Я взял вторую кружку, но всю осилить не смог, только половину. Перевёл дух, полез в карман, достал деньги.

– Восполним убыток, – сказал, оглядываясь в поисках

официанта.

– Так вы ничего не знаете... – протянул писатель.

– Что – не знаю?

Я продолжал оглядываться. Ни бармена за стойкой блистающего хромом и пластиком фирменного киоска, ни какого-то другого обслуживающего персонала нигде не было.

– Пиво бесплатное.

– Что значит, бесплатное? Предприниматель решил расщедриться по поводу открытия нового кафе?

– Нет. С сегодняшнего дня в городе *всё бесплатно*.

Если бы меня ударили обухом по голове, эффект был бы тот же. Или даже лучше – по крайней мере, потерял бы сознание, а не застыл сидячей статуей. Мысли смешались, как всё в доме Облонских, и я начал заикаться.

– К-как вы с-сказали?

– С сегодняшнего дня в городе всё бесплатно, – повторился Валентин Сергеевич.

– Эт-то что? Наступила эра свет-тлого ком-мунизма?

Получилось насмешливо, но спрашивал я серьёзно.

– Я бы сказал – розового, – поправил он. Настороженность исчезла из глаз писателя, и он с явным облегчением откинулся на спинку пластикового кресла. – Не заметили, что свет от солнца стал розовым, а небо зелёным? И ещё запах какой-то тонкий... Как вчера на кладбище.

– Весенней фиалки? – с замиранием сердца спросил я.

– Вот-вот! – обрадовался писатель. – А я долго не мог по-

нять, чем это пахнет!

«Выходит, я не ошибся, – с тоской пронеслось в голове. – Нет у меня обонятельной галлюцинации...»

Я допил пиво, повертел в руках кружку. Мысли никак не хотели упорядочиваться.

– Так где тут бесплатное пиво наливают? – только и нашёлся что спросить, хотя пива уже не хотелось. Хотелось водки, чтобы упиться до потери сознания.

– Здесь самообслуживание. Только берите в крайнем автомате слева. В остальных пиво безалкогольное.

Я взял пустые кружки и направился к автомату. Механической походкой, будто сам был автоматом. Безалкогольное пиво – этого я не понимал и в нормальное время. Пиво должно быть алкогольным, как масло масляным. Это неотъемлемые составляющие. Можно ли себе представить нежирное масло? Впрочем, сейчас и такое появилось...

Налив пива, я вернулся, сел и окинул взглядом соседние столики. Пиво пили только два человека, но по их лицам было понятно, что пиво у них без определяющего напиток ингредиента.

– А водку здесь не дают? – запоздало спросил я. Можно было и самому посмотреть, что там за стойкой на прилавке.

– Нет, – тяжело вздохнул Валентин Сергеевич. Похоже, он испытывал те же чувства, что и я. – Есть вино, но тоже безалкогольное.

Я отхлебнул пива и икнул.

– Возьмите, попробуйте.

Валентин Сергеевич пододвинул ко мне тарелку с мясистыми тёмно-зелёными листьями.

– Что это?

– Не знаю. На ценнике, или как его там теперь называть в эпоху бесплатности, написано: «Паториче к пиву».

Взяв лист, я попробовал. С виду хрупкий из-за больших разветвлённых прожилок лист оказался неожиданно плотным и по вкусу напоминал воблу. Только без запаха. Не приходилось мне ранее слышать о таком растении как паториче. Впрочем, слова «ауфлемэ» и «тэмбэсаддон» я тоже услышал недавно...

– Что же произошло? – спросил я, беспомощно озираясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.